

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersbourg Journal
of Oriental Studies

выпуск 1

volume 1

Издательско-Коммерческая Фирма
"ВОДОЛЕЙ"

Санкт-Петербург

1992

Альманах "Петербургское Востоковедение" издается по мере накопления материала, но не реже двух раз в год. Центр "Петербургское Востоковедение" выражает признательность фирме "ИНТ" за помощь в подготовке настоящего выпуска альманаха.

Редколлегия: И.Алимов (редактор-составитель)
Roger T.Ames (University of Hawaii, USA)
Stephen H.West (University of California, USA)
М.Родионов (Музей Этнографии им.Петра Великого)

Над выпуском работали: С.Сухачев, А.Ланьков, Н.Гурова,
О.Трофимова, Д.Ильин

Адрес для корреспонденции:
199034 Санкт-Петербург
Университетская наб.3
Музей Этнографии
им.Петра Великого
И.Алимов

Contact address:
Igor A.Alimov
Peter The Great Museum
of Ethnography
3 Universitetskaya nab.
St.Petersbourg 199034

tel: (812) 218 43 77
fax: (812) 218 08 11

Публикуемые материалы подвергаются исключительно техническому редактированию. Центр приносит свои извинения за недостатки настоящего издания.

- © Центр "Петербургское Востоковедение", 1992
- © St.Petersbourg Centre for Oriental Studies, 1992
- © 聖彼得堡東方學中心, 1992
- © И.Алимов, составление, 1992

☞ All rights reserved ☜

ISBN 5-87852-010-9

**Жизнеописания - "Ле чжуань" -
художественная история или историческая проза?**

М.Е.Кравцова

Институт Востоковедения
(Санкт-Петербург)

Среди многочисленных и разнообразных письменных памятников старого Китая особое место занимают историографические сочинения - так называемые династийные истории. Востоковедам-синологам, разумеется, понятно, о чем идет речь. Но, учитывая, что далеко не все реалии китайской традиционной культуры известны вне узкого круга специалистов, имеет, наверное, смысл предварить основную часть предлагаемого сообщения кратким ретроспективным обзором¹.

Китайская историография имеет архаичные корни. Есть веские основания полагать, что практика письменной фиксации происходящих событий возникла там чуть ли ни синхронно с появлением самой письменности, а именно - в конце первого для Китая государственного образования - династии Шан-Инь (XVI-XI вв. до н.э.) - [5, с.64-66; 13, с.136-137]. Этап же ее формирования в качестве относительно самостоятельного вида интеллектуальной деятельности древних китайцев приходится на V-III вв. до н.э. или вторую половину эпохи Чжоу (XI-III вв. до н.э.), что связывается с развитием философии, в первую очередь, конфуцианства. Достаточно сказать, что чжоуские историографические сочинения - летопись "Чуньцю" ("Весны и осени")² и "Шу цзин" ("Канон истории"), в написании которых, согласно преданию, принимал участие лично Конфуций, входят в состав конфуцианского канона³. Генетическую связь с конфуцианством и его учением о государственности историография сохраняла и в дальнейшем,

превратившись со временем в органическую часть общественно-политической мысли и идеологии имперского Китая. Конкретно же это выразилось в создании специальных памятников, носивших характер официальных документов - их-то и называют династийными историями.

Первым памятником такого типа является монументальный труд "Ши цзи" ("Записи историка" или "Исторические записи") ханьского⁴ историка Сыма Цяня (145-86 гг. до н.э.), традиционно почитаемого за "отца китайской историографии"⁵. "Ши цзи" охватывают собой всю историю нативной цивилизации в том, конечно, виде, в каком она представлялась людям того времени.

Начиная с I в. н.э. устанавливается традиция создания официальных историографических сочинений при каждой из вновь появившихся династий и посвященных ее предшественнице, независимо от того, была ли она могущественной империей, типа, скажем, средневековых Тан (618-907) или Сун (960-1127), либо же кратковременным и даже локальным государственным образованием. Всего, включая сюда и "Ши цзи", насчитывается 26 династийных историй, последняя из которых - "Цинь ши гао" ("Наброски истории династии Цинь"), посвященная Циньской империи (1644-1911), - появилась на свет в 20-х гг. нашего столетия. Это - огромный, прежде всего по своим количественным параметрам, материал, претендовать на полное и тщательное изучение которого, разумеется, не следует. Поэтому данное сообщение базируется, в основном, на ранних династийных историях, относящихся к I-VI вв, к которым принадлежат: "История Ранней Хань" ("Цянь хань шу") Бань Гу (32-92)⁶, "Анналы Трех Царств" ("Сань го чжи") Чэнь Шоу (233-297)⁷, "История Поздней Хань" ("Хоу хань шу") Фань Е (398-446), "История династии [Лю] Сун" ("Сун шу") Шэнь Юэ (441-513) и "История Южной Ци" ("Нань ци шу") Сяо Цзы-сяня (489-537)⁸. Кроме того, использовались историографические сочинения, также описывающие события III-VI вв., но созданные несколько позже,

при Тан: "История династии Цзинь" ("Цзинь шу")⁹ и "История династии Лян" ("Лян шу") Яо Сы-ляна (?637)¹⁰.

Забегаая вперед, отмечу, что все из ранних династийных историй были составлены одним человеком, т.е. являются авторскими по своей сути памятниками¹¹. Причем их создатели известны как не только ученые-историки, но и литераторы, творившие в различных поэтических и прозаических жанрах. Так, например, Бань Гу является признанным мастером одической поэзии, кисти которого принадлежат около десятка од-фу [55, т.1, с.602-607]. Его авторству приписывается один из ранних образцов повествовательной прозы малых форм - сяошо - "Старинные истории о ханьском У-ди" ("Хань У-ди гу ши", русск. пер. [20, с.44-83]). Разносторонними литературными дарованиями отличался и Шэнь Юэ - крупный литератор и теоретик литературы своего времени¹², основатель литературно-поэтического направления "Поэзия в стиле Юнмин" (Юнминти), творческое наследие которого состоит из нескольких сотен произведений [54, т.2, с.987-1028; 55, т.3, с.3097-3138]. Помимо поэтических текстов ему тоже принадлежит авторство повествовательной прозы малых форм - сборника "Рассказы простонародья" ("Су шо") - [9, с.28]. Что касается Сяо Цзы-сяня, то, хотя его достижения в области изящной словесности гораздо скромнее, чем Бань Гу или Шэнь Юэ, но и он оставил после себя порядка десяти стихотворений [54, т.2, с.1170-1173]. Таким образом, уже сам по себе факт авторства династийных историй именно этими людьми заставляет предположить наличие у первых определенных художественных достоинств. Но прежде - несколько слов об их композиции и составе.

Несмотря на все различия во времени их создания, внешних формальных характеристиках¹³ и даже названиях¹⁴, династийные истории обладали нормативной композицией. Они открываются разделом под названием "Бэнь цзи" ("Основные записи"), где представлены жизнеописания государей. Далее следует раздел "Чжи" ("Анналы"), состоящий из нескольких самостоятельных глав, набор, порядок расположения которых и названия могли

варьироваться¹⁵. Исходя из тематической направленности этих глав их правомерно подразделить на два основных типа - ритуально-культурологические и административно-хозяйственные. К первому относятся:

1. "Анналы ритуалов" ("Ли чжи") - описание официальных процедур светского, чисто религиозного и полусветского-полурелигиозного характера, обозначаемых термином ли-ритуал. Круг ли был чрезвычайно широк, включая в себя всевозможные жертвоприношения, сезонные обряды, свадебные и похоронные церемонии, войсковые парады и пиршества.

2. "Музыкально-астрологические анналы" ("Люй ли чжи"), содержащие предметное описание музыкальных инструментов и связанные с системой люй - ладовой музыкальной системой. Здесь следует пояснить, что для традиционной китайской философии и общественно-политической мысли музыка (юэ) служила воплощением гармонии всего сущего, включая сюда и социум. В абстрактно-теоретических построениях древних мыслителей и в ритуале она выполняла функцию мироустроительного и миропреобразующего начала (подробно см., напр. [27]). Поэтому неудивительно, что концепция музыки изначально занимала важнейшее место в учении о государственности, разрабатываемом преимущественно конфуцианством. Собственно же система-люй выступала в качестве одного из основных репрезентатов общепознавательной теории, давая по сути дела тот же тип миропонимания, что и натурфилософия, с сочетанием логико-понятийного (т.е. научного) и чувственно-образного (т.е. характерного для искусства) способов. Применительно к историографическим сочинениям, она к тому же играла роль своего рода метаязыка, задавая собой общие классификационные схемы, которые употреблялись для оформления и осмысления фактической информации [12]. Не случайно во многих династийных историях именно эта глава открывает собой "Анналы".

3. "Анналы музыки" ("Юэ чжи") - сведения о поэтических произведениях, главным образом песенном народном творчестве и производной от него авторской лирике. Данная глава присутствует

не во всех династийных историях и является в какой-то степени дополнительной по отношению к "Музыкально-астрологическим анналам". Дело в том, что музыка-юэ представляла собой синкретическое понятие, включавшее в себя помимо собственно музицирования и другие виды искусств - пение, танец, стихотворчество. Все вместе взятое рассматривалось опять-таки в парадигме учения о государственности и, шире, - общих космологических представлениях, строящихся на уподоблении Космоса, с одной стороны, и социума и каждого отдельного человека, с другой, по принципу макро- и микро-косма. Наибольшей известностью пользуются "Анналы музыки" из "Истории династии сун" Шэнь Юэ, так как там впервые оказались собраны вместе с попыткой их научной классификации тексты древних (ханьских) песен.

4. "Анналы небесных узоров" ("Тянь вэнь"), содержащие астрономические данные - сведения о положении светил, звезд и созвездий, о появлении комет, солнечных и лунных затмениях и о разного рода атмосферных явлениях, преимущественно аномального характера, которые, подобно затмениям, воспринимались в качестве знамений, а потому подлежали тщательной письменной фиксации. Наличие такого рода главы в династийных историях тоже неудивительно, т.к. астрономия (точнее, астрология), играла в старом Китае, равно как и в других регионах древнего мира, огромную роль, будучи также связанной и с общепознавательной теорией, и с учением о государственности. Показательно, что на протяжении длительного периода времени обязанности главного (придворного) астронома и официального историографа исполнял один и тот же человек.

5. "Анналы пяти элементов" ("У син чжи") - метеорологические записи, сопровождающиеся сообщением о политических эксцессах (бунтах, войнах, смертях видных государственных деятелей и тому подобных событиях) и природно-социальных коллизиях (наводнениях, засухах, эпидемиях). Цель данной главы - показать глубинные причинно-следственные связи между Космосом и миром людей.

6. "Анналы благих знамений" ("Фу жуй чжи") - тоже факультативная глава, присутствующая не во всех династийных историях. В "Истории династии Сун", например, основную ее часть занимают хронологические таблицы, начиная с Хань, где перечисляются всевозможные чудесные происшествия, типа появления единорога-цилиндра или феникса, ниспадания с небес сладкой росы и т.д. Таблицы построены по тематическому принципу, и каждому из их подразделов предшествует краткое предисловие, в котором рассказывается о данном явлении или волшебном персонаже и раскрывается их символика.

Что касается административно-хозяйственных глав, то к ним относятся географическое и административно-географическое описание страны с указанием всех провинций, областей и т.д., вплоть до уездов с данными по количеству населения; описание устройства всей административно-бюрократической системы с перечислением штата центральных государственных учреждений, аппаратов принцев крови, армейских соединений.

Информативность "Анналов" и их значимость для современной науки трудно переоценить. И все же наибольший интерес в династийных историях представляет третий по своему местоположению и как правило самый объемный раздел - "Ле чжуань" ("Жизнеописания"), где, как это явствует из его названия, содержатся биографии исторических личностей от принцев крови и высокопоставленных чиновников до отшельников и "добродетельных женщин".

Уже само по себе наличие такого раздела в историографических сочинениях показывает, что для китайской историографии было характерно понимание жизни общества и всего исторического процесса как совокупности множества судеб отдельных личностей, индивидуальных и коллективных действий, т.е., выражаясь современной терминологией, функциональное измерение человеческого бытия [7]. Именно этим она, на мой взгляд, принципиально отличалась от собственно анналистической (летописной) традиции, идущей не от личности, а от события¹⁶, в том числе и нативной, представленной чжоуской летописью

"Чуньцю". Попытаемся проследить генезис и выявить возможные культурно-идеологические корни такого видения исторического процесса.

Не будет, пожалуй, большим преувеличением сказать, что главной и определяющей приметой китайской цивилизации является отсутствие в ней религиозной или религиозно-философской системы, основанной на монотеистических воззрениях. Признавая существование высшей силы (в древнейшем пантеоне это - Шан-ди, дословно "Верхний" или "Высший владыка", для чжоуского Китая и в дальнейшем - Небо), китайцы, насколько это можно судить по письменным и археологическим данным, "никогда не наделяли ее ни антропоморфными чертами, ни чертами демиурга" [33, с.20]. Поэтому им была абсолютно чужда идея первотолчка как сознательного акта творения и творческой потенции бога как движущей миром силой, которая лежит в основе, скажем, христианской анналистики - и православной, и католической ее подтрадиций. Для китайских мыслителей "гармоничность бытия всех существ определялась тем, что они есть частички общей иерархии, составляющей единый "космический узор" и подчиняющейся исключительно своей собственной природе" [40, с.230], что также, естественно, не могло не оказать решающего воздействия на нативную историографию.

За отправную точку исторического процесса здесь принимался не акт сотворения мира, а период правления совершенномудрых государей, правда, божественного (сверхъестественного) происхождения, к каковым причислялись: Хуан-ди (Желтый император, он же - верховное божество ряда древнекитайских пантеонов, в том числе и даосского) и его потомки - Чжуань-сюй, Гао-синь, Яо, Шунь и Юй¹⁷. Этот период признавался за "золотой век" в истории рода человеческого, тезис о существовании которого разделялся представителями практически всех школ и философских направлений древнего Китая, хотя и с заметной разницей в его осмыслении. Идея "Золотого века" обусловила признание приоритета древности над современностью и - как следствие - отрицание прогрессивной направленности

исторического процесса. Объективный же ход развития китайской цивилизации путем смены одного государственного образования (династии) другим predetermined его осознание как носящего циклический характер.

Первая попытка систематизации и теоретического осмысления исторического процесса принадлежит Сыма Цяню, о чем подробно говорится в монографии Ю.Л.Кроля [17, гл.1] и в предисловии к русскому переводу "Ши цзи" [26, т.1, с.44-49]. Так что все сказанное далее есть всего лишь беглый пересказ имеющихся на сегодняшний день точек зрения.

Считается, что Сыма Цянь использовал в своих разработках два сформировавшихся к тому времени натурфилософских учения - о пяти первоэлементах/стихиях (у син) и двух космических началах: Ян (Светлом, Мужском) и Инь (Темном, Женском). Пять первоэлементов включают в себя воду, дерево, землю, огонь и металл, каждому из которых соответствовали определенные часть света, время года, цветовое обозначение, числовая символика и астральные объекты. Так, стихия воды и Инь соотносились с Меркурием, севером и зимою; стихия огня и Ян - с солнцем, югом и летом; стихия дерева - с усилением Инь, холодом, западом и осенью; и, наконец, стихия земли - с взаимодействием Ян и Инь, громом, Сатурном и Центром¹⁸. Поясню, что Центр (чжун) представлял собой отдельную, пятую часть света, воплощавшую сакрально-политический фокус мирового пространства, а в реальных географических координатах прилагавшуюся к собственно ойкумене (самоназвание Китая - Чжунго - Центральное или Срединное государство) или, в более узком своем значении, - к столице как месту пребывания государя и сосредоточения его благой силы - дэ.

Наложив данную пространственно-временную схему на исторический процесс, Сыма Цянь получил следующую картину: правление Хуан-ди и его потомков - стихия земли, желтый цвет; правление династии Ся¹⁹ - дерево, зеленый цвет, восток; правление династии Шан-Инь - металл, белый цвет, запад; правление

династии Чжоу - огонь, красный цвет, юг; правление Хань - вода, черный цвет, север. Каждый из выделенных им исторических циклов Сыма Цянь подразделил на две фазы: "Когда вещи расцветают, они приходят в упадок, когда обстоятельства времени развиваются до предела, наступает поворот. Один период природных качеств, один период утонченной формы - это цикл изменений, которые кончаются и начинаются вновь" [17, с.99]. В приведенном высказывании сформулирована центральная для китайской историографии мысль о неизбежности чередования периодов расцвета и упадка, а, значит, и смены династий. Нетрудно заметить, что строящийся подобным образом исторический цикл есть аналог годового цикла, обусловленного взаимодействием Ян и Инь. Оба начала, находясь в постоянной динамике, также проходят в своем движении через несколько фаз. Для Ян движение идет по часовой стрелке с севера (самый низкий уровень концентрации Светлого начала) через восток к югу с постепенным приближением к максимуму (время летнего равноденствия) и затем - через запад - вновь к северу. Движение Инь идет против часовой стрелки, его максимум и минимум приходятся соответственно на зимнее и летнее равноденствие. При всей лапидарности сказанного очевидно, что китайская историческая мысль действительно базировалась на натурфилософии, а социум и природа воспринимались как единый континуум, подчиняющийся исключительно естественным законам.

Тем не менее, хотя появление, расцвет и гибель любой династии были неизбежны и детерминированы (но детерминированы, подчеркну еще раз, не божьей волей, а естественным ходом вещей, точно так же как предопределена смена времен года), длительность каждой отдельной фазы исторического цикла полностью зависела от самих людей, от того, насколько правильными или неправильными были их поведение и принципы управления. "Управление династии Ся, - вновь обратимся к рассуждениям Сыма Цяня, - основывалось на искренности; вследствие того, что в искренности имелся изъян, низкие люди стали неотесанными. Поэтому люди династии Инь преобладали

ей, прибегнув к благоговейному почитанию. Вследствие того, что благоговейное почитание имело изъян, низкие люди стали суеверно поклоняться духам..." [17, с.85].

Поэтому главной задачей китайского историографа было осмысление личностных качеств и поступков исторических лиц с точки зрения их влияния - неважно, положительного или отрицательного - на развитие событий в стране. А найденные им прецеденты и сделанные на их основе выводы служили своего рода "учебным пособием" для правящего монарха, дабы указать ему путь к осуществлению достойного правления и уберечь от ошибок, совершенных его предшественниками. В этом, кстати, кроется и главная причина возникновения собственно традиции создания династийных историй.

"Ле чжуань", как специальный раздел впервые появились именно в "Ши цзи", что и ознаменовало, по мнению исследователей, переход от древней анналистической традиции к историографической: "В противовес хронологическому принципу, господствовавшему дотоле в китайской историографии, - замечает, например, М.В.Крюков, - Сыма Цянь положив в основу "Исторических записок" совершенно иной принцип - жизнеописания исторических личностей" [26, т.1, с.44]. Об этом же в сущности говорит и Л.Думан в предисловии к переводу отдельных глав из "Ши цзи", изданном еще в 50-х годах: "Сыма Цянь впервые вводит в качестве объекта изучения и субъекта истории простых людей" [25, с.21], в скобках заметим, что слово "простые" имеет смысл отнести за счет издержек нашей собственной идеологической ситуации. Тем не менее, зачатки функционального измерения, думается, были присущи уже чжоуской анналистике. Хотя та же летопись "Чуньцю" действительно выдержана строго в собственно анналистической традиции и построена в виде изложения событий, исходя из хронологического принципа, в комментарии к ней - "Цзо чжуань" (он то и приписывается авторству Конфуция, пер.на русск.яз. [30]), достаточно отчетливо, на мой взгляд, прослеживается тенденция к дополнению событийной канвы "человеческим фактором". Еще с большей очевидностью данная

тенденция обнаруживается в "Го юй" ("Речи царств"), где повествование ведется исходя не столько из события, сколько из личности - не случайно текст памятника изобилует "речами" - рассуждениями и увещеваниями, произносимыми различными мудрецами и наставниками. Впрочем, иначе, наверное, и не могло быть, ибо историография, как уже отмечалось выше, была генетически связана с конфуцианством - учением ярко выраженного антропологизационного типа, где, перефразируя слова А.И.Кобзева, сказанные им применительно к идейным позициям философа Ян Ван-мина [14, с.85], все процессы, происходящие не только в мире людей, но и в масштабе вселенной, в конечном счете редуцировались к событиям и делам, активной силой в которых выступает индивидуум в его ипостаси члена социума.

Итак, идейная и общекультурная подоплека появления жизнеописаний в китайских династийных историях в целом понятна. Но это - одна сторона медали. Другая же - вопрос о том, являются ли они принадлежностью исключительно историографии, либо же могут рассматриваться в качестве литературных произведений. Речь, подчеркну, идет не о тех или иных художественных достоинствах раздела "Ле чжуань" из того или иного историографического памятника²⁰ и не о влиянии историографической традиции на повествовательную литературу - данная проблема в различных ее аспектах уже давно разрабатывается в синологии²¹, а о возможности квалификации китайских жизнеописаний, независимо от времени создания и конкретного авторства династийных историй, в качестве особого вида (типа? жанра?) повествовательной художественной литературы.

При такой постановке вопроса мы сразу же неизбежно сталкиваемся с необходимостью дефиниции самого понятия "художественная литература", ибо не секрет, что в традиционных культурах под ней понимались совсем не те виды письменного творчества, что в наше время. Так, в китайской классической жанровой теории, сформировавшейся в III-VI вв., в художественной

литературе или - в нативной терминологии - изящной словесности-вэнь - относились трактаты-лунь, наставления-цзяо, всевозможные официальные документы, типа указов-лин, манифестов-цзяо, разнообразных докладов трону, а также письма-шу [38, с.148-161]. Тогда как непосредственно повествовательная проза, главным образом малые ее формы, первоначальный этап развития которых тоже приходится на указанный исторический период [9, с.3], обозначалась с помощью термина "би" (досл."кисть для письма") и не только не сближалась с вэнь, но, наоборот, противопоставлялась ей как низшее высшему [42, с.102-105].

Далее. Предлагаемый разговор невозможен без сопоставительного анализа жизнеописаний с различными формами китайской повествовательной прозы. Но с какими именно из них наше сопоставление будет выглядеть наиболее теоретически оправданным и окажется наиболее же продуктивным? Ведь жизнеописания нередко содержат в себе "фантастические" элементы, что сближает их с "волшебной новеллой" - чуаньци (подр.см., напр. [8; 9]. Немало общих они обнаруживают и с "городской повестью"-хуабэнь [11]. Далеко не лишним в данном случае будет вспомнить и о сборниках "бицзи", которые ведущая их в отечественной синологии исследовательница и переводчица - О.Л.Фишман [29, 31, 32] считает "некоей наджанровой системой, для которой характерно совмещение внутри одного сборника различных жанров повествовательной прозы малых форм с несюжетной прозой" [29, с.6].

Приведенное высказывание, помимо всего прочего, лишний раз свидетельствует, что жанровая принадлежность и специфика различных форм самой китайской повествовательной прозы, равно как и их общие, универсальные черты, - все это до сих пор остается предметом дискуссий. Что же касается непосредственно сборников "бицзи", то некоторое, на мой взгляд, сходство между ними и жизнеописаниями возникает из-за того, что и жизнеописания, в чем мы сможем вскоре убедиться на конкретных примерах, нередко состоят из достаточно разнородных по всем своим параметрам фрагментов, часть из которых представляют собой рассказы-

миниатюры, нередко следующие друг за другом вне четко улавливаемой между ними связи, если не считать, конечно, наличие в них одного и того же основного действующего персонажа - главного героя данного жизнеописания. Таким образом, не исключено, что архитектоника и сборников "бицзи" и жизнеописаний подчинялась неким общим или сходным закономерностям.

Короче говоря, анализ всех особенностей жизнеописаний - идейных коннотаций, сюжетной канвы, техники воссоздания облика исторического персонажа, художественно-композиционных и стилистических приемов и т.д., и т.п. должен производиться с учетом соответствующих аналогий в китайской традиционной повествовательной литературе.

И, наконец, крайне желателен сопоставительный анализ жизнеописаний с типологически близкими к ним памятниками мировой литературы - теми же житиями, европейской средневековой новеллой и т.д.

Вполне понятно, что в небольшой по объему публикации решить все эти задачи и дать необходимый фактический материал просто-напросто невозможно, как невозможен и окончательный теоретический подход к интересующей нас проблематике. Поэтому я ограничусь лишь самым общим анализом "ле чжуань", выделив те их черты, которые, как мне кажется, наиболее явно свидетельствуют об их принадлежности к художественной литературе, причем, скорее в современном понимании этого термина.

Для иллюстрации я буду ссылаться на четыре жизнеописания, перевод которых приводится в конце данной публикации. В предлагаемую подборку вошли:

1. Жизнеописание Шэнь Юэ, содержащееся в "Истории династии Лян" [46, т.1, цз.13, с.232-244], при переводе которого я добавила фрагмент - родословную клана Шэней, имеющийся в тоже его жизнеописании, но из другой династийной истории - "Истории Южных династий" [48, т.5, цз.57, с.1403-1414] - и в свою очередь являющийся заимствованием из автобиографии Шэнь Юэ из "Истории династии Сун" [49, т.8, цз.100, с.2442]. К сказанному

выше о Шэнь Юэ как об историческом персонаже добавлю, что он в течение длительного времени занимал высокие государственные посты и был близок к августейшим особам.

2. Жизнеописание Чжан Хуа (232-300) - тоже, как и Шэнь Юэ, крупного государственного деятеля, но последней трети III в. Одновременно он считается одним из ведущих литераторов своего времени, ярчайшим представителем литературно-поэтического течения - "Поэзии в стиле Тайкан" (Тайканти). Следует отметить, что еще при жизни Чжан Хуа снискал себе репутацию знатока даосизма и оккультных наук, в качестве которого он и фигурирует в последующей прозе. Ряд легенд о нем есть и в его жизнеописании. За ним самим признается авторство сборника "Описание всех вещей" ("Боу чжи"), относящегося к раннесредневековым сяошо с фантастическими элементами и продолжившего собой традицию псевдогеографических описаний, типа "Шань хай цзина" ("Каталога гор и морей") - [9, с.15-16]. Жизнеописание Чжан Хуа представлено в "Истории династии Цзинь" [52, т.4, цз.36, с.1068-1077]. Существует и англоязычный его перевод [41, с.24-72].

И, наконец, герои еще двух жизнеописаний - Се Тяо (464-499) и Ван Жун (467-494) - современники Шэнь Юэ, бывшие его близкими друзьями и единомышленниками на литературном поприще. Оба они были отпрысками могущественнейших на то время аристократических кланов. Наибольшей известностью из этой пары пользуются Се Тяо, традиционно относимый к когорте самых именитых поэтов-пейзажистов раннесредневекового Китая и оставивший после себя достаточно богатое, поэтическое наследие [54, т.1, с.778-795]. Творчество Ван Жуня тоже очень высоко ценилось современниками, о чем свидетельствует династийная история, но впоследствии он, в отличие от Се Тяо, был практически полностью забыт. Жизнеописания их обоих входят в "Историю династии Южная Ци" [47, т.,3, цз.47, с.817-282].

Надо сказать, что все четверо из перечисленных лиц являются типичными представителями раннесредневековой служилой интеллигенции, а их жизнеописания - тоже вполне типичными образцами "ле чжуань", хотя последние, разумеется,

существенно отличались друг от друга и по своим формальным показателям, и по своей выразительности. И то, и другое было обусловлено целым комплексом объективных и субъективных факторов. К первым относятся продолжительность жизни исторического персонажа, ее насыщенность событиями, степень самобытности его как личности, реальное общественное положение, а также количество сохранившейся о нем информации. Ко вторым - осмысление его места и роли в современной ему общественно-политической жизни и в историческом процессе в целом, сложившееся как в общественном мнении (традиции), так и лично у самого историка.

Говоря о художественных достоинствах "ле чжуань" логично отметить прежде всего обязательное наличие в них развитого и законченного сюжета, что объясняется, конечно, тем, что жизнеописания воссоздавали жизненный путь исторического персонажа. Однако не надо думать, что сюжетная канва жизнеописаний являлась лишь механическим воспроизведением того или иного количества эпизодов из биографии этого человека. Глобальная установка историка на решение дидактических задач заставляла его производить отбор фактического материала и подавать его уже в интерпретированном виде²². Так, например, в жизнеописании Шэнь Юэ, где он рисуется человеком явно проконфуцианских взглядов и близким по ряду своих качеств к благородному мужу-цзюньцзы, полностью отсутствуют какие-либо реалии из его жизни, связанные с увлечением буддизмом²³. Очень скупо и в откровенно негативных тонах упоминается о деятельности Шэнь Юэ как литератора, что выглядит несколько странным, ибо наличие литературного дара считалось чуть ли не обязательным для образованного человека того времени и служило веским доказательством его способностей как государственного деятеля. И, наконец, практически не соведены периоды пребывания Шэнь Юэ на периферии, хотя есть веские основания подозревать, что они сыграли немалую роль в его становлении опять-таки в ипостаси литературного деятеля.

Зато обратим внимание, насколько подробно рассказывает историк о детских годах своего героя, что, разумеется, не случайность. Сам по себе этот сюжет - ребенок, попавший по воле судьбы в неблагоприятные для него условия (сын бедняка, казненного - как в нашем случае - преступника и т.д.) и сумевший, благодаря природным качествам и собственным волевым усилиям с честью выдержать все жизненные испытания, - был распространен в конфуцианской литературе. Так что в этом плане эпизод, рисующий детство Шэнь Юэ можно рассматривать в качестве чисто житийного элемента. Кроме того, он задает общие параметры личности главного героя и его дальнейшее возвышение. Характерно, что аналогичным эпизодом открывается и жизнеописание Чжан Хуа.

Далее. При ближайшем рассмотрении выясняется, что сюжету в "ле чжуань", как и в литературных произведениях присущи зачин, экспозиция, кульминация и развязка. Функцию зачина выполняет, на мой взгляд, начальный эпизод жизнеописаний, где сообщается о происхождении исторического персонажа. Может показаться, что здесь содержится не более чем сухая информация. Но это не совсем так. Во-первых, для читателя - образованного китайца, прекрасно знавшего историю своей страны, уже сам по себе факт принадлежности человека к тому или иному клану говорил о многом. Во-вторых, сообщаемые историком сведения нередко предвосхищают собой последующее развитие событий. Так, например, упоминание о казни отца Шэнь Юэ сразу же настраивает читателя на рассказ об испытаниях, через которые суждено будет пройти главному герою. Еще более интересным представляется прием, использованный в жизнеописании Ван Жуна, где дается вроде бы факультативный факт - самооценка деда Вана. Однако на самом деле с ее помощью историку сразу же удается ввести нас в атмосферу, царившую в семействе гордых и надменных аристократов, кичащихся своим могуществом. Тема излишней гордости, неоправданного самомнения проходит затем лейтмотивом через все жизнеописание.

Кульминационным, как правило, оказывается эпизод из жизни героя, который - в действительности ли или по мнению самого историка - оказал решающее влияние на дальнейшую судьбу его прототипа, нередко предопределив его гибель. В жизнеописании Чжан Хуа за кульминацию правомерно принять сцену судилища над наследным принцем - недаром столь тщательно и подробно она воссоздается: точно указывается место действия, описываются детали "судебного процесса", поведение присутствующих. При этом кульминационный момент несет в себе элемент испытания героя: у Чжан Хуа хватило смелости и решительности, как и подобает истинному государственному деятелю вступить за принца, несмотря на опасность навлечь на себя гнев августейших особ. Но, потерпев фиаско, он проявил малодушие, не подав в знак протеста в отставку, что и инкриминировалось ему затем как преступление, подлежащее суровому наказанию - смертной казни. Се Тяо, в жизнеописании которого кульминационным является эпизод, повествующий о попытках втянуть его в заговор, напротив, с честью выдержал испытание, продемонстрировав наличие у него чувства верности-син. Поэтому он, в отличие от Чжан Хуа, оказывается в положении безвинной жертвы, что в свою очередь воспринимается как логическое завершение предшествующих его жизненных перипетий и страданий. Ван Жун - кульминация - его деятельность по оказанию помощи Цзинлинскому князю Цзыляну в момент подготовки последнего к возможному приходу к власти - тоже в какой-то степени жертва, но уже своего собственного честолюбия. Стремление во что бы то ни стало достичь высших постов в государстве заставило его пуститься в опасные политические интриги, за что он и поплатился жизнью.

Наибольшей смысловой полифоничностью отличается кульминация в жизнеописании Шэнь Юэ, соотносимая с эпизодом беседы героя с будущим основателем династии Лян. Для его понимания необходимо хотя бы в общих чертах знать сложившуюся тогда историко-политическую ситуацию. После вполне благополучного правления второго монарха Южной Ци - Сяо Цзэ (циский У-ди, 483-494), династия вступила в период

своего упадка. Внук Сяо Цзэ - достаточно неприятная во всех отношениях личность, если верить его жизнеописанию [47, т.1, цз.4], оказавшийся на троне благодаря посмертной воле деда, был вскоре свергнут своим дядей - Сяо Луанем (циский Мин-ди, 494-499). Тому наследовал его сын - крайне одиозная фигура [47, т.1, цз.6]. Крупнейшие сановники государства один за другим поднимают восстания и, наконец, к решающим действиям переходит генерал Сяо Янь, который впоследствии и основал династию Лян. Во время похода на столицу Сяо Янь возвел на престол другого сына Мин-ди (циский Хэ-ди, 500-502), что дало ему право выступать от имени законного государя", дабы силою отобрать державную власть у "государя-злодея". Теперь же перед ним стояла дилемма: оставаться в положении подданного, сохраняя преданность монарху-марионетке, либо же попытаться самому стать монархом. Конечно, это был далеко не единственный в истории Китая государственный переворот, и китайские мыслители давно уже выработали идейное оправдание для такого рода акций - так называемую концепцию "Небесного мандата" (тянь мин), согласно которой Небо лишало несправедного государя своей поддержки и делегировало право возглавить страну своему новому избраннику - в принципе любому из жителей Поднебесной, если он обладал надлежащими качествами и способностями. На эту концепцию и ссылается Шэнь Юэ, приводя в качестве примера первого государя династии Чжоу, кто уничтожил предшествующую Шан-Инь. Но сколь бы ни была эффективна эта идея, всегда могли возникнуть дополнительные нюансы, осложнявшие положение претендента на трон. В данном случае Сяо Янь вынужден был выступить против не "злодея", а монарха, им же коронованного. Т.е. либо он признавал ошибочность своего выбора, тем самым демонстрируя неумение разбираться в людях, что уже само по себе ставило под сомнение обоснованность его политических амбиций, либо же оказывался в положении мятежника. Возможно, если бы династия Лян стала жизнеспособным государством, последующие историки не обратили бы внимания на колебания ее основателя - победителей, как говорится, не судят. Но династия эта вскоре сама

погибла, и для того, чтобы понять причины ее кратковременного существования и краха, необходимо было разобраться во всех деталях происходивших событий, оценив действия участвовавших в них лиц.

Что касается непосредственно Шэнь Юэ, то он, с одной стороны, выступает здесь в роли советника и наставника будущего монарха - роли, о которой мечтал любой проконфуциански настроенный служилый интеллигент. Поэтому сама по себе возможность ее исполнения выглядит как вершина политической карьеры Шэня, высшее признание его качеств государственного деятеля. Но, с другой, он фактически толкает Сяо Яня на преступление. Правильность предложенной интерпретации данного эпизода полностью подтверждается появлением после него все более и более негативных оценок Шэнь Юэ, когда историк ставит под сомнение все его достоинства. Некогда "благородный муж", которым восхищались все современники, на глазах деградирует, превращаясь в болтливую и глуповатую старика, до смерти надоевшего окружающим своими разглагольствованиями и не способного ни дать дельный совет, ни принять самостоятельное решение. Короче говоря, историк наглядно показывает, как, поддавшись честолюбивым помыслам, человек предаёт самого себя, утрачивая все положительное, что было отпущено ему природой.

Еще одна особенность кульминационных моментов - наличие в них "детективных" элементов, которые предельно драматизируют обстановку: самое настоящее расследование в сцене суда из жизнеописания Чжан Хуа, подготовка к борьбе за власть Ван Жуна, беседы заговорщиков в жизнеописаниях Се Тяо и Шэнь Юэ - общность всех перечисленных деталей, вряд ли можно считать случайным совпадением. Не исключено, что сделанное сравнение покажется несколько натянутым, но мне представляется обоснованным провести типологическую параллель между кульминацией в "ле чжуань" и так называемым "поворотным пунктом" в сюжете европейской новеллы [19, с.169].

Суммируя все сказанное выше, мы вправе сделать вывод, что жизнеописания представляют собой не просто серию эпизодов,

воссоздающих жизненные вехи исторического персонажа, а организованное авторским замыслом повествование, что, кстати, далеко не всегда было присуще литературным прозаическим произведениям, нередко дающим "прямое описание факта" [29, с.8].

Несомненную метаморфозу по сравнению со своим реальным прототипом претерпевает и главный герой жизнеописаний, что, впрочем, было уже ясно при разборе их сюжетной основы. Вместе с тем очевидно, что историк стремился нарисовать как можно более полный и красочный портрет исторического лица, показав все его как достоинства, так и недостатки. Герои жизнеописаний предстают перед нами многогранными личностями, которым свойственны и колебания, и душевные терзания, и ошибки, что выгодно отличает их от литературных персонажей прозаических произведений с их тенденцией к типизации и унификации действующих лиц.

Для того, чтобы полнее и достовернее раскрыть внутренний облик главного героя использовались различные приемы. Один из них - введение в жизнеописание дополнительных персонажей, нередко явно проходных, во время контактов с которыми главный герой демонстрирует те или иные из своих качеств и способностей. Нередко он дает оценку окружающим его людям, либо же сам оценивается ими. Существенное место в жизнеописаниях занимают диалоги и монологи, подлинность которых, естественно, более чем сомнительна. Трудно себе, например, представить, что кто-либо фиксировал беседу Шэнь Юэ с Сяо Янем или разговоры Се Тяо с заговорщиками. Таким образом, и в данном случае приходится говорить об авторской фантазии создателей династийных историй. Другое дело - столь же многочисленные письменные документы, которые, наоборот, придают ауру достоверности повествованию. Как и прямая речь, они служат иллюстрацией деятельности главного героя, дополняют его внутренний облик и помогают понять его психологическое состояние в тот или иной конкретный момент его жизни. Все эти функции выполняет, скажем, письмо Се Тяо своему царственному другу - один, кстати, из признанных шедевров раннесредневекового эпистолярного жанра²⁴.

Очень часто историк не удерживается от введения в ткань повествования своих собственных суждений, хотя в принципе его личностное мнение излагалось в специальном фрагменте жизнеописания - заключительном его разделе, начинающемся со слов: "Я, историк, скажу..." Авторские суждения могут подаваться в виде отдельных реплик, когда историк оказывается как бы сторонним наблюдателем, взирающим на разворачивающиеся у него на глазах события и время от времени комментирующим увиденное. В других случаях встречаются более пространственные рассуждения - своего рода психологические экскурсы, когда историк делится с читателем своими размышлениями по поводу возможных мотивов поступков и поведения героя. К таким рассуждениям питал, в частности, склонность Шэнь Юэ, когда он сам выступал в амплуа историка. Характерный пример - жизнеописание Се Лин-юня (385-433) - ведущего поэта-пейзажиста раннесредневекового Китая, перед литературным даром которого Шэнь Юэ благоговел, - из "Истории династии Сун" [49, т.6, цз.67, с.1743-1779]: "Лин-юнь был вспыльчив по натуре и часто нарушал этикет. Его терпели при дворе только за литературное дарование, но сам он считал, что ему не воздают должного. "При моих способностях и умении, - говорил он,- мне бы пристало заниматься государственными делами". Нигде не встречая одобрения, он вечно терзался и мучился" (цит. по [2, с.109]).

В результате мы почти всегда догадываемся, какие чувства питал автор династийной истории к изображаемым им персонажам. Если тот был ему симпатичен, то чуть-чуть сильнее, чем в других жизнеописаниях, акцентировались положительные моменты, затушевывались недостатки, так или иначе оправдывались проступки и странности поведения. Подобное мы видим в жизнеописании Се Лин-юня, а из приводимых ниже, - в жизнеописании Се Тяо, которое вообще отличается своей лиричностью и даже задушевностью. Казалось бы, Се Тяо по всем параметрам мало соответствовал стереотипу человека, достойного стать объектом изучения историка. служебная его карьера в целом сложилась довольно неудачно для представителя столь знатного

рода. Более того, он выглядит явным неудачником, постоянно и, честно говоря, непонятно даже почему, находящимся в немилости у сильных мира сего. Да и погиб он как-то нелепо из-за собственной неосторожности и излишней доверчивости. Однако автору "Истории Южной Ци" откровенно импонирует и эта неудачливость его героя, его неприкаянность, неумение постоять за себя и вступить в борьбу "за место под солнцем", и, самое главное, его душевные терзания, которым он искренне сопереживает. Характерная здесь деталь - описание последних минут жизни Се Тяо, что мы находим и в еще двух жизнеописаниях - Ван Жуна и Чжан Хуа. Первый из них, перед тем, как покончить с собой по августейшему повелению, с торжествующим злорадством вспоминает, что он все-таки успел досадить ненавистному ему государю. Второй сетует на несправедливое к себе отношение, перечисляя свои заслуги перед тронem. И лишь Се Тяо не думает ни о чем, даже о своей собственной горестной участи, кроме тех страданий, которые неизбежно придется испытать его красавице жене. Предсмертная сцена - очень точный и вместе с тем редкий по своей экспрессивности штрих, завершающий общий портрет Се. Поэтому вполне оправданным выглядит совпадение сюжетной развязки - смерти героя - с концом его жизнеописания, тогда как в других главах развязка порою находится чуть ли ни в середине текста, сопровождаясь затем многочисленными эпизодами из жизни героя (Шэнь Юэ) или легендами о нем (Чжан Хуа). В данном же случае получается, что историку как бы уже нечего больше сказать: он сознательно отказывается от каких-либо дополнений и комментариев, чтобы дать читателю возможность полностью сосредоточиться на этой сцене.

Постоянное чередование чисто информационных фрагментов (где дается перечень постов и титулов), бытовых зарисовок²⁵, прямо речи (монологов и диалогов), всевозможных письменных документов (указов, докладов к тронem, писем, поэтических произведений), авторских суждений и рассказов-легенд придает повествованию в "ле чжуань" достоверность и живость, в то же время приводя к стилистической неоднородности жизнеописаний.

Последнее же, как это убедительно показывает В.В.Виноградов при анализе "Жития" протопопы Аввакума, есть один из существеннейших признаков художественности прозаического текста: "Так личный тон и безыскусственная стилизация "вяканья" сменяются торжественно-обличающим или убеждающим пафосом проповедника, и "житие" становится "книгой живота вечного" [6, с.9].

Особого разговора, безусловно, заслуживает и проблема архитектоники всей династийной истории, точнее, обеих ее житийных разделов "Бэнь цзи" и "Ле чжуань". При линейном прочтении памятника входящие в него жизнеописания воспринимаются как самостоятельные и замкнутые подразделы текста, внешне мало связанные друг с другом. Картина значительно изменится, если мы за отправную точку примем "Бэнь цзи" и каждое из жизнеописаний государей будем читать по фрагментам, обращаясь затем к биографиям упомянутых там лиц, и от них - далее, по цепочке через весь "Ле чжуань". Тогда оказывается, что династийным историям присуща общая сюжетная канва, состоящая из нескольких пересекающихся линий, которые проходят через весь или большую часть "Ле чжуань". Как бы нанизанные на эти линии жизнеописания обладают общим набором действующих лиц и - самое главное - единым смысловым подтекстом, раскрывающимся по мере развертывания данной сюжетной линии. Одна из таких линий связывает, например, жизнеописание последнего, на которой мы подробно останавливались выше. С одной стороны, эта сцена не может быть понята без знания деталей жизненного пути лянского У-ди, а, с другой, она в равной степени характеризует как Шэня, так и основателя династии Лян, служа тем самым существенным дополнением к жизнеописанию в "Бэнь цзи" и уточняя его оценку, даваемую в "Истории династии Лян". Общая сюжетная линия обнаруживается и еще для одной сцены беседы Шэнь Юэ с лянским У-ди, на этот раз по поводу опального Чжан Цзи. Для ее интерпретации тоже необходимо обратиться к жизнеописанию этого человека [46, т.1, цз.16, с.270-272], из которого мы узнаем,

что Чжан Цзи участвовал вместе с Сяо Янем в походе на столицу, занимал затем ряд высоких постов в лянском административном аппарате, но после оказался в опале, был сослан в приграничный район, где и погиб во время одной из стычек с северянами. Старшая дочь Чжан Цзи в знак протеста против несправедливости и своеволия монарха публично покончила с собой, из-за чего вся эта история получила явно нежелательную для лянского У-ди огласку. Вот почему государь счел насущно необходимыми посоветоваться с Шэнем (продолжение мотива роли Шэнь Юэ как советника), но тот либо действительно не понял, либо не захотел вникать в суть инцидента, ставившего фактически под удар репутацию монарха и правящего дома, чем лишней раз продемонстрировал свою полную несостоятельность как государственного деятеля и беспочвенность своих претензий и амбиций. Таким образом мы здесь имеем одновременно вновь дополнительную оценку личностных качеств лянского У-ди, причем, опять негативную, характеристику его взаимоотношений с прежними соратниками и характеристику самих этих соратников. Центральная же мысль данной сюжетной линии - неумение лянского У-ди разбираться в людях, что, естественно, не могло не оказать пагубного влияния на дальнейшую судьбу всей династии.

Подобная композиция "Бэнь цзи" и "Ле чжуань", на мой взгляд, напоминает построение китайских романов, при том, что жанр последних возник и утвердился достаточно поздно. Так что не исключено, что для династийных историй правомерен и сопоставительный анализ с прозой больших форм.

Подводя итог нашим наблюдениям, приходим к выводу (пусть пока что остающемуся на уровне не более как предположения), что жизнеописания из династийных историй действительно представляли собой произведения, обладавшие несомненными художественными достоинствами и чертами, сближающими их с литературной прозой - как собственно китайской, так и типологически близкими к ним жанрами мировой литературы.

А теперь - несколько слов о предлагаемых переводах. Следует сразу же предупредить, что в какой-то мере они носят экспериментальный характер, т.к. преследуют в первую очередь литературно-художественные, а не научно-познавательные цели. Чтобы не нарушать целостности их восприятия, я намеренно отказалась от каких-либо дополнительных комментариев (хотя, строго говоря, комментированию в них подлежит чуть ли ни каждый абзац, а то и каждая строка), в том числе и к топонимам. В конечном счете, читателю, не имеющему отношения к синологии, пояснение, типа "такой-то уезд находился на территории такого-то современного уезда" содержит ровно столько же информации, как и исходный текст. В том случае, если местоположение топонимов действительно имеет значение для понимания ситуации, пояснение вводится в перевод с помощью определений - "приграничный район", "столичная провинция", "дальняя местность" и т.д. Тот же прием употребляется и для пояснения второстепенных действующих лиц и вскользь упоминаемых исторических персонажей, когда к их именам тоже добавляются определения - "древний мудрец", "знаменитый поэт", "сын государя". Если же требуется более пространное пояснение, то для него используется краткий пересказ соответствующего фрагмента самой же династийной истории, составленный переводчицей, но из типичных для китайских историографических сочинений словесных клише.

Наибольшую трудность для перевода представляют термины, обозначающие должности, звания и титулы. Все они, кроме титулов, переводятся, хотя в отечественной синологии существует традиция передачи последних с помощью аналогичной европейской терминологии - граф, барон и пр., однако здесь, на мой взгляд, возникает излишняя "европеизация" китайского текста. Поэтому переводились только титулы монарха (Тянь-ди, досл. Сын Неба) - государь, правитель, монарх; и принцев крови - "ван" - принц, князь. А вот посмертные титулы государей и девизы их правления переводятся, т.к. они имеют определенное смысловое

наполнение. К переводам прилагается список упоминающихся в жизнеописаниях государей с указанием годов их правления.

При переводе в ряде случаев опускаются официальные документы и поэтические произведения (в основном оды). И, наконец, следуя стилистическим особенностям оригинала, я пыталась несколько ритмизировать и русскоязычный текст, допуская при этом инверсии, аллютерации и даже рифму.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 При том, что многим из этих памятников посвящена достаточно солидная научная литература, в том числе и в отечественной синологии, сводного их обзора, аналогичного издаваемым в КНР (см., напр. [56, с.54-168]), на русском языке, к сожалению, нет. На английском языке суммарные сведения о них приводятся в [37]. Кроме того, особо хотелось бы упомянуть монографическое исследование китайского ученого Цзинь Юй-фу [53].

2 Чуньцю - название одного из подпериодов эпохи Чжоу, длившегося с 771 по 476 гг. до н.э.

3 В отечественной синологии изучение этих сочинений было начато еще в прошлом веке академиком В.П.Васильевым [4, с.482-516]. Из современных публикаций общие сведения о "Шу цзине" приводятся в [28, с.101-165]. О других чжоуских историографических сочинениях - "Го юй" ("Речи царств") и "Чжань го цэ" ("Планы Сражающихся/борющихся/ царств") см., напр. [5, 10].

4 Хань - название древней империи, существовавшей с 206 г. до н.э. по 220 г. н.э. Подразделяется на два подпериода: Ранняя (или Западная) Хань (206 гг. до н.э. - 8 г. н.э.) и Поздняя (Восточная) Хань (9-220), каждому из которых посвящена отдельная династийная история.

5 Детальное исследование "Ши цзи" и взглядов ее создателя см. [17]. Кроме того, в настоящее время осуществляется полный комментированный перевод этого памятника на русский язык, часть которого уже опубликована [26].

6 Одним из наиболее авторитетных европейских исследований "Истории Ранней Хань" считается ее частичный перевод, выполненный Х.Х.Дабсом [39].

7 "Анналы Трех царств" посвящены периоду Саньго (Троецарствие, 220-264), когда на территории Китая существовало три самостоятельных государства - Вэй, Шу и У, возникших на руинах ханьской империи. Подробно об этом памятнике см., напр. [35].

8 Обе названные династийные истории посвящены династиям, соответственно - Лю Сун (420-479) и Южной Ци (479-502), которые существовали на юге Китая в так называемую эпоху раннего средневековья (в китайской терминологии - Наньбэйчао, Южные и Северные династии, либо Лючао, Шесть династий, III-VI вв) - период, когда страна оказалась разделенной в результате широкомасштабной экспансии "варваров" (сюнну, тобийцев и т.д.) на Севере, находившийся под властью некитайских правящих домов, и Юг (район к югу от р.Янцзы), где сохранялась собственно китайская государственность.

9 Династия Цзинь, подобно Хань, подразделяется на два периода - Восточная Цзинь (265-316), когда ее правящему дому - клану Сыма - вновь удалось на короткое время объединить всю страну под своей эгидой; и Западная Цзинь (317-419), основанная представителями того же клана уже на юге Китая после захвата в 311-217 гг. большей части его территорий "варварами". На протяжении эпохи раннего средневековья несколько раз предпринимались попытки составления официальной истории этой династии [53, с.60]. В том числе ее предпринял и Шэнь Юэ - составитель "Сун шу", создавший памятник под названием "История династии Цзинь" объемом в 110 глав-цзюаней, о чем сообщается и в его автобиографии из "Истории династии Сун" [49, т.8, цз.100, с.2467], и в его официальном жизнеописании из "Истории династии Лян" [46, т.1, цз.13, с.243]), но впоследствии он был утрачен. Имеющаяся на сегодняшний день официальная "История династии Цзинь" была составлена в первой половине VII в. группой ученых из более чем двадцати человек под руководством Фань Сюань-лина (578-648).

10 Династия Лян (502-557) - тоже одно из раннесредневековых южных государств. Помимо перечисленных выше сочинений, эпохе раннего средневековья посвящен еще ряд памятников: "История Южных династий" ("Нань ши") и "История Северных династий" ("Бэй ши"), обе составленные в 630-650 гг. Ли Янь-шоу (612?-678?) и представляющие собой сводное описание всех государств, существовавших в раннесредневековом Китае на Юге и на Севере; "История Вэй" ("Вэй шу") - история тобийского царства Вэй (Тоба Вэй) - самого могущественного из северокитайских раннесредневековых государств, созданная в 551-554 гг. Вэй Шоу (506-572); "История Чжоу" ("Чжоу шу") - посвященная событиям, развивавшимся на Севере в 535-581 гг. и т.д.

11 Правда, еще раннесредневековые же историки ставили под сомнение авторство "Истории Поздней Хань" Фань Е, считая, что он "присвоил себе труд целой группы ученых", о чем говорится, в частности, в жизнеописании Фань Е из "Истории династии Сун" [49, т.6, цз.69, с.1820], но, насколько мне известно, современными исследователями этот вопрос не дискутировался.

12 Шэнь Юэ в том числе принадлежит трактат "Сы шэн пу" ("Трактат о четырех тонах") - первое в китайской литературно-теоретической мысли сочинение, посвященное законам нативного стихосложения.

13 Так, чрезвычайно широко варьировался объем династийных историй - от нескольких страниц до нескольких сотен глав-цзюаней.

14 Начиная с VII в. в названиях династийных историй вместо слова "шу" - "книга" стало употребляться "ши" - "история".

15 Традиция местоположения "Анналов" после "Бэнь цзи" стала нормативной, видимо, начиная с "Истории династии Сун" Шэнь Юэ. Во всяком случае в "Истории Поздней Хань" этот раздел, напротив, является заключительным в памятнике.

16 "У истоков историографии древние анналисты... рассказывали подряд о событиях (подчеркнуто мною - М.К.), единственная связь между которыми состояла в том, что все они происходили в одно время: затмения, град, появление удивительных метеоров вперемежку с битвами, договорами, кончинами героев и царей" [3, с.16].

17 Конечно, в Китае имели место и космологические мифы, сохранившиеся, правда, в рудиментарной форме, но они использовались преимущественно в даосской философии. Что касается периода правления

совершенно мудрых государей, то он подробно описывается в первой же главе раздела "Бэнь цзи" в "Ши цзи" Сыма Цяня [57, цз.1; 26, т.1, с.133-149].

18 В наиболее полном своем виде древнекитайская пространственно-временная структура излагается в философском сочинении "Гуань-цзы" [45, цз.14, с.238-250]. Ее научное описание см., напр., [36, с.40; 34, с.192-193].

19 Династия Ся - согласно традиционной китайской историографии государственное образование, предшествовавшее Шан-Инь, однако достоверных свидетельств его существования пока что не обнаружено.

20 Как это хорошо известно, наличие художественных достоинств признается у многих историографических сочинений из общей мировой словесности, в том числе принадлежащих античности [22, с.309-322]. Относительно собственно китайской историографии этот вопрос наиболее активно обсуждался для "Ши цзи" Сыма Цяня (см., напр., [15; 16, 18]), который традиционно считается не только историком, но и литератором [1].

21 О влиянии историографии на повествовательную литературу малых и больших форм говорится практически во всех синологических исследованиях, посвященных последней. Наиболее целостными и обобщенными из них являются, пожалуй, работы Б.Л.Рифтина [23; 24], хотя они и ориентированы преимущественно на традицию романа.

22 Проблема аутентичности биографических сведений, представленных в жизнеописаниях уже неоднократно рассматривалась в синологических исследованиях - см., напр. [21, 43].

23 Шэнь Юэ является автором многочисленных сочинений, посвященных различным проблемам буддизма, в том числе и доктринального характера. Все они представлены в буддийской антологии "Гуан хун мин цзи" ("Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих") - [45, 2з.19, с.232-233; цз.22, с.253-254]. Кроме того известно, что Шэнь Юэ являлся адептом одной из даосских школ, о чем также в его жизнеописании нет ни слова.

24 Письмо Се Тяо в качестве самостоятельного художественного произведения включено в раннесредневековую антологию "Вэнь сюань" ("Литературный сборник") - [44, т.2, цз.40, с.890-892].

25 К числу наиболее удачных с литературной точки зрения из таких зарисовок относится, пожалуй, описание дворцов южноциского наследного принца Вэнь-хуэя в его жизнеописании из "Истории династии Южная Ци": "Августейший наследник престола... был изнежен душою, а внешностью дивно хорош. Элегантный и томный, он обладал изысканным вкусом, стремился себя окружать только тем, что редкостно-ценно. Палаты его украшали драгоценные вещи, по красоте и убранству Восточный дворец превосходил и дворец Сына Неба. По указу его был разбит Парк Сокровенной обители. В центре его высилась башня, напротив - буддийская пагода, вокруг которых лежали дивные камни - все это было подобным горам и потокам в их первоизданном величьи. Отсюда был виден дворец Сына Неба, у ворот рос пышный бамбук, затенявший резные ворота... В палатах, где принц гостей принимал, с потолка свисали парчовые ткани с узором из жемчугов и камней. Сам он облачался в наряд, сотканный из воробьиного пуха, весь блиставший золотом, перьями зимородка, а поверх надевал шубу из фазаньих головок" [47, т.2, цз.21, с.401]. Помимо своих художественных достоинств данный фрагмент, конечно же интересен и тем, что в нем живописуются детали образа жизни раннесредневековой знати.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧЖАН ХУА

Чжан Хуа, второе имя Моу-сянь - Начало цветения, - был уроженцем уезда Фанчэн, что находился в Фаньяне.

Отец его - Пин - служил в царстве Вэй, возглавляя область Юйян. Но рано отца потеряв, Хуа с малолетства жил в страшной нужде; чтоб себя прокормить, пас овец. Минуло несколько лет, и его заметил сановник Лу Цинь, кто в те дни занимал важный пост в Императорском секретариате. Отпрыск ханьского дома - Лю Фан - в восхищенье такое пришел от талантов Хуа, что в супруги ему предложил свою дочь.

Как ученый Хуа обладал безграничными знаниями, как литератор владел элегантно-изысканным слогом. В совершенстве знал все, что касалось искусства гаданья, науки о таинстве звездных узоров и прочих подобных вещах. С юных лет он упорно учился, даже в самые горькие дни сохранял безупречность манер, с неизменной отвагой всегда защищал справедливость и готов был на помощь прийти, если кто-то в беду попадал. Был душою он щедр, а умом так блестящ и так гибок, что из живших тогда редко кто с ним равняться дерзал.

В ранние годы, еще не снискав себе славы, он сочинил "Оду птичке-крапивнику"... Чэньлюский Жуань Цзи, творенье Хуа прочитав, со вздохом признал: "Обладатель подобного дара достоин опорой стать государству!" Так вот имя Хуа получило известность.

Губернатор Сы Сянь-юй счел возможным Хуа на пост предложить эрудита-ученого в Департаменте ритуалов и церемоний. А Лу Цинь о нем сообщил Государю-Просвещенному Правителю династии Цзинь, так Хуа получил назначенье в Хэнань, где ему предлагалось стать помощником губернатора. Но туда не поехал, ибо к этому времени занят уж был в Императорской библиотеке на посту дуцзолан - начальник Отдела редакторской службы. Вскоре был он повышен до поста Старший писец, в руководство введен Императорским секретариатом. Те доклады, что

он посылал ко двору, принесли много пользы стране, так что был он сочтен соответствующим этим постам.

Едва лишь династия Цзинь утвердилась у власти, как Хуа в руководство вошел Департамента государственных дел, удостоен был титула хоу.

Имея прекрасную память, Хуа знал об о всем, что когда-либо место имело в Поднебесной. Государь Воин-Правитель династии Цзинь часто его вопрошал о ханьских дворцах, об их тысячах врат и десятках их тысяч дверей, - и Хуа ответы давал; да так быстро и гладко, что внимавшие слушать его без устали были готовы. Умел на земле начертить он в мгновение ока любые план или карту, да так точно и споро, что стоявшие рядом долго глаз отвести не могли. Сам государь приходил в изумленье. Люди Хуа называли подобным Цзи-шану - мудрейшему мужу царства древнего Чэн. В течение нескольких лет он главою стоял Императорского секретариата, а после возглавил штаб Императорской кавалерии.

Когда умерла его мать, то Хуа, повинувшись обычаю, в траур облекся и с постов удалился. Но и в скорбные дни от двора ему шли повеленья, поскорее к делам приступить.

Взойдя на престол, Государь Воин-Правитель династии Цзинь вместе с Ян Ху замыслил удар нанести по царству-сопернику - У. Все сановники замысел сей посчитали невыполнимым, один лишь Хуа его поддержал. Когда же Ян Ху тяжело занедужил, Государь Воин-Правитель династии Цзинь Хуа повелел его навестить и расспросить о деталях грядущей кампании, ибо те в тайне держались. Полностью тот разговор излагается в жизнеописании Ху.

Армия вышла в поход. Хуа, отвечая за снабжение войска, по каналам наладил доставку вооружения и провианта. Но армия, хоть и вперед продвигалась, никак не могла одержать даже малой победы. И Цзя Чун, и другие государю советовать стали, Хуа наказать, но тот так им ответил: "Это я сам замыслил поход против У, а Хуа лишь меня поддержал!" Царедворцы, сановники - все полагали, что для решающих действий время еще не настало, один лишь Хуа по-прежнему верил в успех. А когда царство У потерпело

поражение, в августейшем указе, изданном в честь той победы, было сказано так: "Чжан Хуа, глава Департамента государственных дел и титул имеющий хоу, вместе с покойным Ян Ху у истоков стояли сего величайшего замысла. После взял на себя руководство продвижением отрядов, разработал дисклокацию их по районам, наметил план сражений и этим добился победы. Поистине доблестны и грандиозны деяния, им совершенные. А потому Нами Хуа возведен в сан Гуанъюского хоу с земельным владением в десять тысяч дворов. Сын же Хуа да получит титул тинхоу, в кормление ему отдаются пять тысяч дворов. Из казны им обоим даровано будет десять тысяч кусков златотканного шелка".

Небывалую славу в ту пору Хуа приобрел, его имя гремело по всей Поднебесной, толпы толп признавали его за патрона, его милость искали. Он следил за ведением анналов династии Цзинь и - особо - тех записей, что заносили в разделы, посвященные ли-ритуалам и дворцовым делам, постоянно внося добавления в них и поправки. Ведал он составлением августейших указов и других официальных бумаг. Возносился чем выше, тем явственней видел себя уже канцлером.

Но и недругов тоже появилось немало. Жгучую ненависть он вызывал у Сюнь Сюя, кто себя полагая родовитейшим из родовитых, претендовал на монарший фавор. Каждый раз, испросив аудиенцию у государя, Сюй пытался его от Хуа отвратить, говоря, что служить тому должно где-нибудь в приграничном краю.

Вот однажды в беседе с Хуа Государь Воин-Правитель династии Цзинь ему задал вопрос, кто в грядущем достоин державу возглавить? Тот ответствовал: "Брат, Ваш, Циский князь - он единственный из августейшей семьи, кто по праву считается добродетельным и просветленным". Государь же иное имел на уме и иной ждал ответ. Стоило только Хуа допустить небольшую оплошность, как Государь Воин-Правитель династии Цзинь припомнил былые его оговоры. Так Хуа оказался в Ючжоу - приграничной провинции, где отвечал за состояние войск, там находившихся, правда, имея на то полномочья большие и в званьи повышенный до Полководца Армии, покоряющей север.

Но и в Ючжоу он быстро снискал уважение всех подчиненных - давно там служивших и только что прибывших. Его почитали и китайцы, и варвары. Царства варваров, скажем, Махань иль Синьми, что в горах находились или вдоль побережья морского, - все они слали дань ко двору, да столь щедрую, что превышала получаемое прежде от царств двадцати, да и более. Варвары дальних земель все Хуа подчинялись, никто не тревожил границу. Год от года в Ючжоу росли урожаи, войско крепло, народ благоденствовал.

Было тогда решено, сделать Хуа первым министром и в титул его возвестиб пристойный такому посту. Еще до отъезда в Ючжоу, в одной из бесед с государем Хуа отозвался нелестно о некоем Фан Хуэ. Теперь туда прибыл младший брат Фан Хуэя - Шэнь, кто был взласкан Государем Правителем-Воином династии Цзинь. После Шэнь с государем имел разговор о событиях, кои случились в последние годы правления царства Вэй.

- Я, ничтожный слуга, - Шэнь сказал, - Вам осмелюсь заметить, что все то, что вменяют в вину Чжан Хуэю - бунтарю и изменнику, - было на деле результатом ошибок родителя Вашего.

Государь побледнел. - Что вы, сударь, хотите сказать?! - он воскликнул.

Убор свой поправив и склонившись в глубоком поклоне, Шэнь продолжил:

- Глупец и невежда, сам не ведаю, что говорю. За подобный проступок и тысячу раз меня смерти предать будет мало. Только в глупых речах, все ж - какой-никакой, а есть смысл!

- Как со мною вы смеее так говорить! - вновь вспылал государь.

- Ваш ничтожный слуга, - Шэнь отвечивал, - так полагает: кто зовется искусным возницею, должен уметь вовремя натянуть вожжи и вовремя вожжи ослабить. Кто себя почитает умелым в делах управленья строною, обязан следить за поступками слуг своих, знать их нравы и помыслы. Вот, к примеру, Чжун-ю своим дарованием всех вокруг превзошел, и, напротив, Жэнь-цю был умом и душой слабосилен. Но наставник обоих - великий учитель Кун-цзы - первого он придержал, а второго неустанно вперед

продвигал. Или вспомним про восемь князей Государя Основателя-Предка династии Хань. Ведь причина их гибели крылась в слишком щедром августейшем фаворе. Государь же Блистательный Воин династии Хань относился сурово к своим генералам, не давал им поблажек, и дожили они до преклонных годов. Суть не в том, что правитель бывает милосерден иль жесток, и не в том, что среди окруженья монарха некто - глуп, а другой - очень мудр. Просто должно уметь распознать, кого надо вперед продвигать, а кого лучше сдерживать. Ваш августейший родитель уваженье питал к Чжун Хуэю, хотя он на деле был талантами скуден. Но родитель Ваш мудростью планов его восхищался, его имя восславил, немалую дал ему власть и поставил во главе своих войск. Оттого-то Хуэй о себе возомнил слишком много; уверовал, что свершенья его таковы, что любая награда его недостойна. Упряжь сбросив, помчался галопом и, объятый гордынею, поднял мятеж. Ну, а если б случилось родителю Вашему вовремя распознать его слабости, крепко взнудать гордеца и заставить бы следовать нормам, - разве тогда он бы сбился с пути? Разве в сердце его проросли б семена мятежа? Разве в жизнь он мятежные планы претворить бы сумел?

- Это так, - государь тихо молвил.

- Раз уж Ваше Величество согласиться изволили со словами ничтожного служки, то задумайтесь: ведь ледяные торосы постепенно твёрдеют. А значит, остерегайтесь к себе приближать тех, кто подобен Хуэю и в дальнейшем опасным окажется для государства.

- В наши дни, - государь удивился, - разве есть еще люди, кто подобен Хуэю?

- Как изрек Дунфан Шо - ханьский мудрец, - Шэнь ответил, - болтать языком - что может быть проще! В "И цзине" - "Каноне перемен" - есть такие слова: "Кто не скрытен, - лишается жизни".

Государь повелел всем свитским удалиться и Шэню сказал:

- Сударь, прошу вас быть предельно со мной откровенным!

- Имена Ваших слуг, кто прославил себя и признание имеет всех людей Поднебесной, хорошо всем известны. Но особо Вам следует помнить о том, кто сейчас пребывает в приграничном краю,

отвечая за состояние тамошних войск.

Государь промолчал. Вскоре после того разговора, он Хуа приказал возвратиться в столицу и занять пост тайчана - Распорядителя церемоний в императорском храме. Едва лишь Хуа заступил в эту должность, как в храме, в главном зале рухнула балка, и он сразу подал в отставку. Вплоть до кончины Государя Правителя-Воина династии Цзинь больше Хуа не приглашался на службу. Если двор посещал, лишь тогда, когда то ему полагалось, как вельможе, имевшему титул.

Когда трон унаследовал Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, Хуа был назначен в свиту наследного принца. В течение нескольких лет при дворе заправлял отец государыни Ян - супруги Государя Правителя-Воина династии Цзинь. Сей Ян Цзюнь, опасаясь влиянья Хуа, ненавидя его самого и его трех ближайших сподвижников - Ван Жуна, Пэй Кая и Хэ Цзяо, - не подпускал их к делам управления страной. Теперь же Ян Цзюнь был казнен за свершенные им преступления; встал вопрос о судьбе его дочери, титул имевшей Вдовствующей императрицы. В главном зале дворцовых чертогов на совет собрались все князья и министры, дабы вынести общий вердикт. Зачитали отрывок древней летописи "Весны и осени", где говорилось о злодеяньях супруги правителя царства Лу, кто посеяла смуту меж отцом своим, братом и мужем. Государыню Ян посчитали виновной в таких же прегрешеньях и к решению пришли, ее титула, сана и всех привилегий лишить. И один лишь Хуа против выступил этого приговора, говоря, что негоже отцу знать от сына о том, что творится между ним и супругой его, как и сыну негоже узнавать от отца о разладе меж старшими в роде. Государыня Ян как жена ни в чем неповинна пред покойным Государем Правителем-Воином династии Цзинь. Пусть пылала излишней любовью к своим близким, немало вреда государству, - тем, бесспорно, утратила право считаться матушкой государя, кто царствует ныне, и носить титул Вдовствующей императрицы. Все ж, мудрей и уместней за образец взять иные примеры - историю, скажем, что случилась с любимой наложницей Государя-Свершителя династии Хань - Чжао

Фэй-янь. После смерти того, она тоже имела титул Вдовствующей императрицы, что позднее сочли незаконным. Но не стали Фэй-янь полностью сана лишать, а Вдовой нарекли Государя-Свершителя династии Хань. Пусть же Ян тоже станет Вдовою Государя Правителя-Воин династии Цзинь, пусть свой век доживет одиноко, но в покое и мире. Но не вняли совету Хуа, государыню Ян превратили в простую придворную даму.

Дальше вот что случилось. Вэй, Чуский князь - пятый сын Государя Правителя-Воина династии Цзинь - тайный наказ получил умертвить престарелого дядюшку = Жунаньского князя, а так же - Вэй Гуаня, в те дни занимавшего пост тайбо - Попечитель государя. Близ столицы и вот уже в самом городе шли кровавые схватки, и пребывал двор в смятении, и никто придумать не мог, что же сделать, чтобы смуте не дать разгореться. Тут Хуа обратился с докладом на высочайшее имя, в котором утверждал, что принц Вэй превышает свои полномочия, шлет на гибель безвинных людей; что солдаты приказы его выполняют лишь потому, что считают исходящими их от Сына Неба. А поэтому надо немедленно к армиям выслать царское знамя с белым тигром - сигнал замирился. Воины все, это знамя увидев, тотчас августейшую волю исполнят, словно травы склонятся под ветром. Так и вышло. Сложило оружие войско Чуского князя, а сам он был пленен и отправлен на плаху. За заслуги Хуа воздавая, государь его вновь повысил в титулах и чинах, даровал ему право иметь золотую печать со шнуром из багрового шелка.

В тот период, когда находился на троне Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, при дворе укрепился клан Цзя, из которого родом была новая Государыня. С фаворитом и кузеном своим - Цзя Ми - затевала все новые козни. Подбирая себе окружение, решили, что Хуа будет им чрезвычайно полезен, ибо как отпрыск незнатного рода вполне безопасен для трона, как известный ученый и мудрый политик хитроумные планы способен замыслить. А еще опасались, что, если Хуа в отдаленье держать, может статься, найдутся другие, кто его за собой увлекут.

Государыня Цзя и Цзя Ми возмечтали то влияние, которым Хуа обладал при дворе, обратить себе в выгоду, на него возложить все дела управления страной. Прежде все же совет испросили у Пэй Вэя, кто в прошлом содействовал краху клана Ян, а отныне держал сторону государыни Цзя. Вэй всегда преклонялся пред талантом Хуа и всецело одобрил их планы. Энергично и страстно Хуа приступил к исправлению допущенных прежде ошибок, латанью немалых прорех. И хотя под началом стоял недалекого он государя и порочной государыни, быстро сумел в Поднебесной добиться порядка и мира. Одного лишь боялся - могущества клана Цзя, что росло с каждым днем. Для того, чтоб внимание привлечь к этой новой угрозе, специальный трактат сочинил - "Нюй ши чжэнь" - "Наставления женщинам, кои обитают в гареме".

Государыня Цзя, как она ни была и коварна, и зла, неизменно Хуа почитала. Обсудив все заслуги Хуа, им свершенное прежде и свершаемое ныне, двор пришел к заключению, что особо их надо отметить: предложили его возвести в титул князя - Чжуанъюского гуна. Десять раз, может, больше, Хуа отказался этот титул принять, только после смирился, подчинившись лишь воле монарха. А еще через несколько лет получил назначение на пост он сыкун - Главный смотритель всех работ и повинностей.

Государыня Цзя замышляла низвергнуть наследного принца. А в свите Августейшего наследника трона Лю Бянь состоял, кто тому был вернейшим слугою и поверенным всех его дум. Где бы ни был Августейший наследник престола - на пиру иль каком-то ином официальном собрании, - Лю Бянь непременно присутствовал там же. Постоянно он видел, как Цзя Ми вызывающе держится с принцем, ну а тот и в речах, и всем видом своим неприязнь выражает к Цзя Ми. Точно так же Цзя Ми ненавидел слуг наследного принца, в том числе и Лю Бяня. Как-то раз Бянь к Хуа обратился, надеясь выведать у него, что замышляет государыня Цзя. Тот ответил, что ему ничего неизвестно. Бянь упорствовал:

- Некогда было - прозябал я в нужде и лишениях, оставался безвестным и жалким. До сегодняшних званий и рангов

возвысился с помощью вашей, Ваша светлость, при вашей поддержке. Я о том никогда не забуду, неизменно я вам благодарен и готов вам всегда услужить!

- Что ж теперь от меня, сударь, вы ожидаете? - не сдержался Хуа.

- Вам известно, конечно, - Бянь продолжил, - о том, сколь большое число достославных мужей обитают в Восточном дворце - резиденции принца, словно лес из могучих деревьев. Что касается войска наследника, то четыре полка, десять тысяч храбрейших солдат под его пребывают началом. Вы, Ваша светлость, сейчас оказались в положении, сходном с положением А Хэна, кто соратником был и министром основателя древней династии Инь. После смерти Властителя, А Хэн сумел обуздать разгоревшийся было конфликт в августейшей семье. Стоит вам дать согласие ваше, как Августейший наследник престола завтра же утром прибудет в Департамент государственных дел и низложит государыню Цзя. Пусть в надежной темнице остаток своих дней коротает, пара евнухов встанут у входа, - вот и все-то дела!

- Но пока что на троне восседает законный монарх! - перебил Хуа Бяня. - Августейший наследник престола - только сын его! Мне же лично никто не давал права действовать так, как А Хэн поступил в свое время. Ну, а коли и вправду случится, что такой изберете вы путь, то запомните: всей Поднебесной принц покажет свое послушанье, ибо выступит он против воли государя как подданный, против воли родителя как его сын. Пусть добьетесь победы, но ценой преступления! И к тому же, родня государыня Цзя полонила весь двор, трудно с ней совладать - не под силу, боюсь, одному человеку.

Через несколько дней Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь повелел царедворцам собраться в чертоге Палаты образца чистоты. Им представил письмо, что считалось написанным Августейшим наследником трона и где говорилось о мятежных планах принца. Все молча взирали на это письмо, не осмелясь ни слова сказать. И один лишь Хуа вновь отважился выступить с речью: "Трудно даже представить, сколь великой бедою

сие для страны обернется. Со времен Государя Правителя-Воина династии Хань всякий раз, как пытались предъявить обвинения наследному принцу и лишить его сана, начинались смуты и мятежи. Наш же правящий дом во главе Поднебесной недавно стоит. Я молю государя все расследовать тщательно, все рассмотреть и все взвесить, прежде чем выносить приговор!"

Тут поднялся Пэй Вэй и заметил, что перво-наперво надобно выяснить точно, откуда и как раздобыли это послание; а затем непременно сличить его надо с почерком принца, ибо есть опасения, что это - подлог.

Государыня Цзя тотчас же показала белый шелк, на котором начертаны были иероглифы рукою Августейшего наследника трона. И опять все смущенно смотрели на письмо и на надпись на шелке, не решаясь признать, что не сходны они. Вот уж солнце склонилось к закату, а к решению все не пришли. Государыня Цзя поняла, что Хуа и другие царедворцы остаются во власти сомнений, и сама лично внесла предложенье, наследного принца счесть виновным, лишить его сана. Государь согласился, изъявив благодарность супруге за дельный совет.

А несколько ранее вот что случилось. Лунь, Чжаоский князь, имеющий звание Полководца Армии, покоряющей север и находившийся в отдаленном районе, допустил там волнения - против китайцев восстали варвары - цяны и ди. Лунь был смещен, а на место его был поставлен другой принц - Лянский князь.

Некий сановник Хуа дал совет: "Чжаоский князь - человек недалекий и жадный, зря он поверенным сделал Сунь Сю, ведь Сю этот - мастер известный интриг, он где ни появится, - жди неприятностей и треволнений! Послали бы вы, Ваша светлость, уведомить Лянского князя, что Сю казнить надлежало бы, а половину земель, что прежде в надел получил князь Чжаоский, было б неплохо раздать местным жителям, дабы они успокоились. Мне кажется, верная мысль!" Хуа так и сделал, уведомил Лянского князя о том разговоре, и полностью тот согласился с сановником данным советом.

Но с запада прибыл дружок закадычный Сунь Сю, кто божился и клялся, что варвары - цяны и ди - взбунтовались по собственной воле, а Сю здесь совсем ни причем. Так Сю умудрился избежать заслуженной кары. И больше того - когда Чжаоский князь возвратился в столицу, он сумел государыню Цзя убедить дать Сю назначение на пост в Департаменте государственных дел с перспективой дальнейшего в нем продвижения. Хуа и Пэй Вэй как могли возражали, но их не послушались. Чжаоский князь к ним обоим весьма настороженно стал относиться, а для Сю превратился Хуа в заклятого недруга.

Вдруг вспыхнул пожар в арсенале. Хуа, испугавшись, что это поджог и что в силу вступил заговор против него, страже отдал приказ свой дом окружить, дабы себя и своих домочадцев от заговорщиков обезопасить. Лишь после того повелел приступить к тушению пожара в самом арсенале, однако все ценности, что там хранились, а именно - меч, коим Государь-Основатель династии Хань змею разрубил, скальп злодея Ван Мана, кто попытался прервать правление ханьского дома, туфли учителя Кун-цзы, - все погибло в огне.

И еще один случай: Хуа обнаружил вдруг в покое своем вонзившийся в стену кинжал, который затем - и куда, и когда - непонятно, - бесследно исчез.

В те дни, когда принял Хуа титул Чжуанъюского гуна, вместо тутовника вдруг кипарис оказался, и гадатель сие счел зловещей приметой.

Подобные странные вещи одна за другою случались и в доме Хуа, и в служебных его апартаментах. Сын его младший, по имени Вэй, как-то увидев, что зловещим сияньем разгорелось одно из созвездий, стал отца умолять, поскорей удалиться в отставку. Но Хуа так ответил ему: "Таинственен и неподвластен познанию Неба путь. Нам одно лишь дано - на него уповая, свою укреплять добродетель. Будем ждать же смиренно и с сердцем покойным повеления Неба!"

Чжаоский князь и Сунь Сю уже были готовы низвергнуть государыню Цзя. Темной ночью к Хуа прибыл их человек - Сыма

Я, - с порученьем ему передать: "Государство в опасности! Чжаоский князь предлагает вам, Ваша светлость, действовать с ним заодно, подчинить себе двор и возглавить нашу партию". Ведал Хуа, что Сунь Сю и другие на державную зарятся власть, а потому отказался к ним примкнуть. Распался страшным гневом, Сыма ему пригрозил: "Вы не видите, что ли, - над вами острый меч занесен. Перережут вам глотку, того и гляди! А талдычите все об одном!" Так сказав, вышел вон, даже не обернувшись.

А Хуа, от волнения еле держась на ногах, рухнул на ложе, хотя уж давно рассвело и давно уже занялся день. Смежил веки и вскоре увидел - как воочию - дом свой, разрушенный до основанья; очнулся в холодном поту. Ночью стало плохо.

Через несколько дней августейшим указом Хуа был объявлен преступником. Вместе с Пэй Вэем взят под стражу и брошен в темницу. Скорую гибель предвидя, Хуа обратился с укором к Чжан Линю, при нем состоявшему:

- Сударь, вы уничтожить хотите того, кто всегда безупречно был честным и преданным трону!

- Именно вы, - Линь ответил, ссылаясь на официальное обвинение, - отвечали за все, что творилось в Поднебесной. Как же, честный и преданный, вы допустили расправу с Августейшим наследником трона? Как не смогли своей жизнью пожертвовать, чтобы его уберечь?

- Это ложный навет! - возмутился Хуа. - Когда заседание шло в Палатах образец чистоты, я выступил с речью, защищая наследного принца. Никто отрицать то не смеет!

- А почему, - Линь парировал, - если ваши слова не имели успеха, вы не подали тут же в отставку?

Что Хуа ему мог возразить?!

Вскоре прибыл гонец, известивший, что Хуа вынесен приговор - обезглавить.

- Прежде я состоял при покойном монархе - Государе Правителе-Воине династии Цзинь, служа ему верой и правдой. О, как тяжело мне смерть принимать! Но уверен - великие беды обрушатся вскоре на правящий дом! - перед смертью Хуа произнес.

Возле палат, находившихся к югу от царской дороги, Хуа был казнен. В тот же день умертвили всех его домочадцев - до трех поколений. Поднебесная вся - царедворцы и простолюдины - неизбежно скорбели о нем. Только год он не дожил до семидесяти лет.

Хуа от рождения был человеком, всегда хорошо относившимся к людям, без устали им помогавшим. Если в ком-либо он примечал хоть крупицу таланта - будь то мелкий чиновник, а то даже - нищий, - силы все прилагал, чтоб того поддержать и возвысить. Не мог жить без книг. В день казни пришли обыскать его дом, но там не нашли ни богатств, ни каких-то сокровищ; одни манускрипты - трактаты, анналы, творенья поэтов - по комнатам всюду лежали. Когда переехать Хуа довелось, то вез он с собою аж тридцать повозок, наполненных доверху свитками. Чиновники из Императорского секретариата при составлении официальных бумаг обращались к библиотеке Хуа, используя копии, снятые с книг, там хранившихся. И не было, верно, по всей Поднебесной такой вещи редкой иль книги старинной такой, - порою считали, что след их в веках затерялся, - каких не имел бы Хуа. Владелец подобной коллекции и обладатель обширнейших знаний, он сам почитался людьми той поры за бесценное диво.

В те дни, что у власти стоял Государь-Благонравный Правитель династии Цзинь, неизвестный прохожий Хуа показал три птичьих пера. На них бросив взгляд, он в лице изменился и молвил с испугом: "Ведь это же перья морской дикой утки! Ее появление знамением служит грядущих волнений и смут!"

Однажды Лу Цзи - именитый поэт и сановник - Хуа пригласил к себе, чтобы отведать с ним вместе изысканных яств. На циновках расселись пришедшие гости. Хуа посмотрел на внесенное блюдо и громко воскликнул: "Да это же мясо дракона!" Ему не поверил никто, и Хуа предложил: "Обмойте-ка терпким вином, обязательно странное нечто случится!" Обмыли, - и вправду, полился вдруг радужный свет. Цзи бросился в кухню, и повар, готовивший кушанье это, ему рассказал, что среди зарослей, в парке растущих, нашел он какую-то белую рыбу. Диковинным видом от

рыб отличалась обычных, и он ее принял за рыбину редкой породы. Затем приготовил ее по особым рецептам и подал гостям, желая Лу Цзи угодить.

А как-то внутри арсенала, что был крепко-накрепко заперт, фазан закричал. Известили Хуа, тот приехал и молвил: "Должно быть, змея в арсенал заползла и там превратилась в фазана!" Открыли ворота, и что же - сидел в помещеньи фазан, ну а рядом лежала змеиная кожа.

В местности У обрывистый берег ополз, обнажив каменный барабан. Но как по нему ни стучали - ни били, не издал он ни звука. За советом государь обратился к Хуа и такой вот услышал ответ: "Прикажите сюда принести палку, вырезанную из туна, что растет в землях Шу, а по форме похожа на огромную рыбину". Так и сделали, звук барабана разносился на несколько ли.

Когда Государь Воин-Правитель династии Цзинь замышлял царство У сокрушить, на ночных небесах от созвездья Ковша к Пастуху протянулась полоса из багрового света. Даоши - мудрецы, кто постиг суть учения - Дао, - ее приняли за знамение свыше поход отложить, ибо царство-соперник в ту пору обладало немалою силой, и надежд не имелось его покорить. Лишь Хуа рассудил по-иному.

Пало У, полоса же багрового света еще ярче сверкала. Тут проведал Хуа, что есть некто по имени Лэй Хуан, уроженец Юйчжана, кто считается сведущим в странных вещах и явлениях. И Хуана к себе пригласив, темной ночью поднялся с ним вместе на башню. Тот сказал:

- Сколько я наблюдаю ночные созвездья, - все вижу эту полосу из багрового света, протянувшуюся от созвездья Ковша к Пастуху.

- Каково же о ней ваше мнение, почтенный Хуан?

- Я считаю, что это - дух волшебного лезвия, вознесенный на небо и явленный нам.

- Полагаю, что вы правы. Еще малым дитем мне один прорицатель предрек, что я свыше шестидесяти лет проживу, что достигну высоких постов, а затем обрету меч волшебный. Так что,

видите - ваши слова с предсказанием тем совпадают. Может, знаете вы, где таится чудесный сей меч?

- Он - в Фэнчане, - Хуан отвечал, - в одном из уездов Юнчжана.

- Я хочу предложить вам возглавить Фэнчан, чтобы вместе смогли бы мы тайно его разыскать. Вы согласны?

Хуан дал согласие, чем обрадовал сильно Хуа.

Получив назначение возглавить Фэнчан, Хуан прибыл туда, у подножья высокой скалы вырыл яму - в четыре сажени глубиной, и на дне ее каменный ящик увидел, яркий свет излучавший. В этом ящике он обнаружил два меча, на одном из которых начертано было "Меч Драконов источник" - "Лун цюань", на другом же - "Тай е" - "Меч Великий изгиб". В ту же ночь полоса из багрового света, что тянулась от созвездья Ковша к Пастуху, навсегда и бесследно исчезла.;

Взял Хуан горсть земли, что достал из-под кручи, нависавшей на северном склоне Западных гор, находившихся в центре Наньчана, и натер ею лезвия. Ярко мечи заблестали - так, что больно смотреть. Приготовил лохань и, налив в нее воду, на края положил те мечи. Даже их отражение так ярко сияло, что смотревшие все изумлялись. Ну, а после Хуан отослал один меч Чжан Хуа, а второй у себя сохранил. "Вы нашли два меча, - его некто спросил, - почему же посмели обмануть господина Чжан Хуа?" Тот ответил: "Мне ведомо, скоро охватит смута двор, господин наш в той смуте падет. После смерти Хуа его меч пусть привяжут к стволу того дерева, что растет у гробницы сановного Сюя. Все волшебные вещи, претерпев измененья, исчезают из мира людей; ими вечно владеть никому не дано".

А Хуа, получив из Юнчжана дивный меч, его пуще зеницы берег, всегда рядом с собою держал. Он подумал, что лучше бы было его натереть ярко-красным песком из земель Хуайнь, и о том поспешил сообщить Лэй Хуану, написав ему так: "Изучил я внимательно надпись на присланном вами мече. Там начертано имя Гань Цзяна - древнего оружейника. Нет почему-то знаков "Мо Се" - имени достославной супруги великого мастера. Но по воле

Небес порождаются дивные вещи; я уверен, однажды наступит момент, когда наши мечи вновь друг друга найдут, снова станут парюю".

А еще он Хуану послал меру красной земли, тот потер ею лезвие, - против прежнего вдвое оно заблистало.

После казни Хуа о волшебном мече позабыли. И Хуан тоже умер. Потом сын его оказался в Юнчжане по служебным делам. По пути предстояла ему переправа через реку Яньпин. И в момент переправы меч Хуана, что сын его крепко к груди прижимал, вдруг рванулся из рук его и, блеснув, камнем канул в пучину. Сын Хуана слуге приказал за ним броситься в реку. Тот исполнил приказ и нырнул, только вместо меча под водою увидел двух чудовищ-драконов, чьи тела - очень длинные - были покрыты узором, словно надписью. В страшном испуге слуга бросился прочь. Чуть позднее сиянье разлилось над потоком, и вздыбились волны. Сын Хуана, вздохнув, произнес: "Что ж, сбылись предсказанья отца, говорившего об изменениях дивных вещей, и слова господина Хуа, предрекавшего встречу их мечам".

После смерти Хуа минуло несколько лет. Были преданы казни и Чжаоский князь, и Сунь Сю. Обуздав кровавую смуту, державную власть воспринял Государь-Миролюбец-Правитель династии Цзинь. На второй год правленья под девизом Великий покой он издал августейший указ, где имелись такие слова: "С незапамятных дней и до наших времен зло с добром неизменно друг с другом воюют; но порою случалось и так, что порок подминал под себя добродетель. Наш покойный сыкун и Чжуаньуский гун Чжан Хуа, живота своего не жалея, о дворе и делах управленья странюю радел, преисполненный верности, твердость храня устремлений..."

Государь Миролюбец-Правитель династии Цзинь повелел возратить Чжан Хуа звания и чины, что при жизни имел он; а так же отдать его отпрыскам знаки отличий, печать и все прочие вещи.

Задолго до этого, еще в самом начале правленья династии Цзинь, Лу Цзи и его младший брат - оба очень гордились собою, тем, что отпрыски знатного рода царства У; а потому, впервые

Жизнеописание Чжан Хуа (пер.М.Кравцовой)

оказавшись в столице, для себя посчитали зазорным знаться с тамошними мужьями. Но, увидев Хуа, сразу оба к нему потянулись, словно к давнему другу; уважая его добродетели, оба стали его почитать за наставника. А когда предали его казни, Лу Цзи, преисполненный скорби о нем, сочинил поминальную песню, а после - оду "Пою добродетель", которой его и оплакал.

Сочиненье Хуа - сборник "Описание всех вещей", состоящий из десяти глав-цзюаней, а также творенья его в изящной словесности-вэнь всему миру известны.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ШЭНЬ ЮЭ

Шэнь Юэ, второе имя - Сю-вэнь - Отдыхающий в изящной словесности, - был уроженцем уезда Укан, что в Усин - области на юго-востоке страны.

Некогда в древности жил человек по имени Мэй - отдаленный потомок рода Небесных богов и наставник Сюаньмина, кто породил Юань Гэ и Тай Дая. Тай Дай, повинувшись служебному долгу, вел дела в Фэнь и Тао, дамбою их заслонив от огромной низины, что тогда простиралась на месте Великой равнины. Тем снискал он фавор совершенномуудрого государя Чжуань-сюя, и в дар от него получил владение в пойме Фэньшуй. Там потомки его основали четыре государства-удела - Сы, Жу, Шэнь и Хуан. Шэнь-удел находился в том месте, где ныне уезд Шэньтин, входящий в Жунань.

В пору Весен и осеней там проходили встречи удельных князей. В год четвертый правления князя Чжао-гуна - владыки царства Лу, Шэнь-удел покорен был царством Цзинь, но потомки названье его сохранили, взяв себе за фамильный знак рода.

На закате правленья династии Цинь ее канцлером был некий Шэнь Чан, но о нем ничего неизвестно. Внук его - Бао - после того, как в Поднебесной к власти пришла Великая Хань, удостоился титула хоу. Отпрыск Бао, по имени Цзун, состоял в свите Циского князя и также носил титул хоу. Шэнь Цзун породил Да - того, кто был возведен в генеральское званье и стоял во главе кавалерии. Сын его - Гань - возглавлял Императорский секретариат. Отпрыск Ганя же - Хун - губернаторство правил в Наньяне. После Хун породил Сюя, кто тоже тайшоу-губернатором стал, но в Хэнэй. Сюй же Фэня породил, кто служил в Цензорате в немалых чинах. Фэнь затем породил Кэ, - прославился тот мастерством. Отпрыск Кэ звался Цянем и также служил в Императорском секретариате. Цяня отпрыск по имени Цзин вновь губернатором стал, на сей раз в Цзияне. После Цзин породил Жуна. Жун, второе имя Вэй-цин,

потрудились немало на службе. Говорят, он с оружием в руках бунтарей усмирять, и, заслуги его оценив, Государь-Блистательный Воин династии Хань дать готов был в награду ему титул хоу с богатым земельным наделом. Но не сладилось что-то, и вскоре Жун уехал на юг, поселившись в отдаленном районе, всю семью взял с собой...

Дею Юэ - Шэнь Линь-цзы - в эпоху правления династии Сун имел генеральское звание и был Полководцем Армии, покоряющей варваров. Отец его - Пу - губернаторство правил в Хуайнани. В последний год под девизом правления Изначальная радость был казнен как преступник; и Юэ с детства пришлось потаенно проживать, ожидая амнистии. Всецело познал он горькую долю сиротства, но волей был крепок, усердно учился, даже ночью не отрывался от книг. Его матушка, боясь за здоровье сына, нередко тайком отливала из светильника масло, чтоб быстрее потух он. Но Юэ, лежа и в темноте, наизусть повторял то, что за день успел прочитать. Потому уже в юности знал досконально события прежних времен, разбирался прекрасно в изящной словесности-вэнь.

Только-только семья встала на ноги, удостоился чести быть приглашенным в столицы. Цай Син-цзун, о его талантах узнав, высоко оценил их. Когда же Син-цзун стал главою одной из провинций - Инчжоу, то Юэ взял на пост секретаря-адъютанта в войсках вне столичного округа. О Юэ говорил так своим подчиненным: "Шэнь-секретарь - вот пример вам для подражания, великолепно все дела исполняет!" После Юэ оказался в Цзинчжоу на посту секретаря-адъютанта в штабе Армии, покоряющей запад, и отвечал за состояние дел в Гуаньси. А потом, как скончался Син-цзун, так в Аньси переехал служить на все тех же постах под началом Цзиньаньского князя. Затем же был вызван в столицу и начальником стал одного из отделов Палаты финансов Департамента государственных дел.

Как только династия Ци к власти пришла, вновь столицу покинул и стал секретарствовать в штабе Армии, покоряющей варваров, там отвечая за состояние дел в приграничном уезде -

Сяньяне. Но вскоре был замечен Августейшим наследником трона принцем Вэньхуэем. Когда Августейший наследник престола был в свой сан возведен и в Восточный дворец перебрался, Юэ занял пост офицера-инспектора пехоты, а кроме того возглавлял секретариат лично принца, а также следил за сохранностью книг и архивов.

В Восточном дворце - резиденции принца - в то время немало обитало служилых людей, но из массы чиновников Юэ выделялся своим благонравием; стоило лишь появиться - всех вокруг затмевал. Когда принц или князь посещали Восточный дворец, - не каждый-то к ним и приблизиться смел, а с Юэ любой в разговоры вступал. Августейший наследник престола так ему говорил: "Я всю жизнь был ужасно ленив, но теперь стоит только мне с вами, сударь, встретиться, с вами разговор повести, как тотчас исчезают и сонливость, и лень. Если ж, сударь, меня будет надобность вам посетить даже ночью, прошу вас, не стесняясь, хоть и ночью, а хоть до рассвета ко мне приходите!"

Стал Юэ главным дворецким в резиденции принца, а еще занимал ряд высоких постов в государственных учреждениях, как-то - помощника начальника Императорского секретариата, помощника начальника Государственной канцелярии, Старшего правого писца при Главном блюстителе нравов.

Когда брат Вэнь-хуэя - князь Цзинлинский Цзы-лян - вкруг себя затеял собрать именитых мужей Поднебесной, то Юэ вместе с Ланьлинским Сяо Чэнем, ланьеским Ван Жуном, чэньцзюньским Се Тяо, наньсянским Фань Юнем и лэаньским Жэнь Фаном прибыл к нему: Наидостойнейшим мужем Юэ все вокруг называли в то время. Одно за другим новые занимал он посты - помощника начальника Департамента государственных дел, помощника начальника Цензората. В первый год под девизом правленья Расцвет великолепия, когда власть воспринял Августейший внук Государя Правителя-Воина династии Ци, Юэ, получив генеральское званье Полководца Армии, наводящей порядок среди варваров, отбыл в Дуньян, его став главою. Когда же Государь-Просветленный Правитель вступил на престол, он вернулся в столицу, был повышен до званья Почетный Воевода, но затем

низведен до руководства Отделом пяти войск в Департаменте государственных дел и чуть позже назначен на должность Виночерпия жертвенного вина в Государственной Академии. Государь-Просветленный Правитель династии Ци в бозе почил, и Юэ возвратился к прежним делам. По приказу Сюй Сяо-сы, кто тогда возглавлял Департамент государственных дел, он приступил к рассмотрению и исправлению августейших указов, изданных в прошлые дни. На второй год под девизом правления Вечный исток на какое-то время со службы ушел, дабы побыть с престарелою матушкой, затем же, сложив генеральские полномочия, снова стал Старшим писцом при Главном блюстителе нравов, но ненадолго. Вскоре, вновь получив генеральское звание - Полководца Армии, покоряющей варваров, покинул столицу, чтобы стать губернатором Наньцинхэ.

Государь-Основатель династии Лян еще с давних времен с Юэ дружбу водил. И лишь только в Цзянькане - столице - порядок и мир воцарились, он ему поручил командовать кавалерией. Когда Государь-Основатель династии Лян великое дело свершил - устранил государя-злодея, - весь народ Поднебесной с охотой ему подчинился, а Юэ его умолял довести до конца великие планы. Но Государь-Основатель делал вид, что не слышит его уговоры, молчаньем на них отвечал. Однажды в интимной беседе Юэ сказал ему так:

- Что творится сейчас, несравнимо с минувшими днями. Невозможно дела привести в должный порядок, лишь уповая на добрые нравы. Придворных же суть такова, что они будут цепляться за почитаемого ими как дракон и как феникс, дабы хоть чем-то обеспечить себе карьеру и процветание. Любой из мальчишек-подпасков и тот уже видит, что династия Ци обречена на бесславный конец. Ни у кого не вызывает сомнений, что именно Вам, Светлый князь, предстоит это сделать. Расположенье небесных светил и события в мире людей - все указывает, что грядут перемены. В древних анналах пророчество есть: "Преодолевший бурный поток, да станет Сыном Неба!" - время настало ему исполняться. Невозможно противиться воле Небес, перечить нельзя желаньям

народа. Коль уж так получилось, что разгорелся светильник, пламя его потушить никому не дано!

- Я и сам начинаю так думать, - отвечал Государь-Основатель.

- Начинаю так думать! - воскликнул Юэ. - Вам думать об этом пристало в те далекие дни, когда в захолустье Вы войска поднимали! После свершенья деяний, кои по сути своей есть деянья Сына Неба, нелепо впадать в размышленья. Когда Победоносный Воитель династии Чжоу походом пошел против древней империи Инь, он едва лишь к ее рубежам подступил, а повсюду народом признавался за повелителя. Победоносный Воитель исполнил желанья людей, время не тратя на размышления. Теперь же, мой князь, Вы воцарились в священной земле. Поступки Ваши подобны свершениям Воителя. Однако же он колебаний не ведал, а Вы - чересчур осторожны. Стоит немного промедлить, - и может так статься, что волю Небес и желанье народа Вам вообще не удастся исполнить. Появится некто, кто будет иметь планы иные и пошатнет могущество Ваше. К тому же, человек уязвим и не вечен, ему не дана крепость камней и металлов. Не за горами те дни, когда и у Вас самого не останется сил защищать обретенное. Разве жалкий уезд, Вам монархом подаренный, - это и все, что хотите оставить в наследство Вашим детям и внукам?! Как только Сын Неба, кто царствует ныне, возвратится в столицу, подле трона его соберутся князья и министры. Восстановится должный порядок. Наверху государь воссияет, внизу его слуги будут верность трону блюсти. И поверьте, мой князь, Ваши планы любой назовет мятежом и изменой. Вряд ли кто-нибудь поддержать их решится.

Государь-Основатель династии Лян не нашел, что Юэ возразить. И как только он отбыл, к себе повелел пригласить Фань Юня, ему передав содержанье недавней беседы; Юнь мысли Юэ полностью разделял. Тогда Государь-Основатель династии Лян Фань Юню велел вместе с Юэ к нему завтра утром пораньше прийти. Юнь эти слова Юэ передал, и тот попросил: "Сударь, очень прошу вас, дождитесь меня", и Юнь обещал. Назавтра же утром Юэ прибыл как можно раньше и, Юня не дожидаясь, поспешил к

Государю-Основателю. Приступили к обсуждению дальнейших их действий. Юэ из-за пазухи сразу же вынул проекты указов, что успел подготовить. Ознакомившись с ними, Государь-Основатель не привнес никаких изменений.

Тут и Юнь появился. Не осмелясь в покои войти, взад и вперед он ходил возле дверей Палат Долголетия, и, наконец, не выдержав, тихо покашлял. Юэ, звук услышав, к нему вышел, и Юнь его робко спросил: "А мне-то присутствовать можно?" И увидев Юэ утвердительный жест, с облегченной улыбкой воскликнул: "Значит, все идет так, как мы замыслили!", и низко Юэ поклонился.

Государь-Основатель династии Лян, обращаясь к Юню, изрек: "Сколько лет я провел рядом с Шэнь Сю-вэнем, но только сегодня постиг, сколь он славен и мудр. Воистину можно сказать - прозревший слепец!" Юнь отвечал: "Что же, мой князь, Вы сегодня poznали кто такой Шэнь Юэ. Но, поверьте, и он лишь сегодня узнал своего государя!" "Уж три года прошло, - продолжал Государь-Основатель династии Лян, - как я поднял войска. И все это время мне верой и правдой служили достойные люди. И еще не взойдя на престол, я уже приобрел двух мудрейших советников".

Как только династия Лян утвердилась у власти, Юэ поимел назначенья на должность начальника Отдела личного состава и аттестаций Департамента государственных дел и другие посты. Государь-Основатель династии Лян, свою щедрую милость являя, его сделал заместителем начальника Департамента государственных дел, и возвел его в титул Цзяньчансянского хоу с земельным владением в тысячу дворов. Матушке же его - урожденной Се - титул дан был Цзяньчанская знатная дама.

Да, то были дни фавора. Фань Юнь, ставший Правым заместителем начальника Департамента государственных дел и другие - десять с лишним человек, - все получили награды, при дворе процветали.

На второй год правленья под девизом Поддержка Небес Юэ в траур облекся по матушке, должен был ехать в родные места, дабы там совершить поминальную церемонию, но так как и сам преклонных был лет и здоровьем слаб, сил не имел на ней лично

присутствовать, вместо себя своих подчиненных послал, чтобы хором они по усопшей рыдали.

В те годы Юэ занимал много разных высоких постов - возглавлял Департамент государственных дел и Императорский секретариат, а также звание он получил Полководца Армии, усмиряющей все войска, а также старшим наставником был Августейшего наследника трона, а также отвечал за состояние дел в священных землях - столичной провинции Янчжоу, а еще получил титул Сиятельный Вельможа.

Юэ долгое время в стране занимал место фактически канцлера, но стремился еще больше возвыситься. Сам себя обсуждая, полагал, что его недостаточно ценят, что государь полностью не использует способности его и дарования. А потому вознамерился службу оставить, но ему разрешенья не дали удалиться от дел. Близко особо в дни те сойдясь с Сюй Мянem, Юэ в посланье ему изложил свои чувства: "Отроком мне довелось изведать горькую участь сиротства. В те давние годы, никому не нужный и всеми покинутый, знал я одни лишь лишения. В муках душевных провожал я закаты и рассветы встречал, ощущая себя ничтожной пылинкой среди круч и обрывов житейских невзгод. Дела мои не улучшались. Пребывая в тщетной надежде, обрести хоть какое-то средство к существованию, я стал подумывать, как бы покинуть мир людей..."

Мянь, письмо получив, показал его Государю-Основателю династии Лян, умоляя Юэ почести оказать как сановнику высшего ранга, но тот отказался.

Юэ никогда не питал пристрастия к вину, и в еде, и в одежде довольствовался малым. Даже когда пребывал в зените славы своей, жить продолжал бережливо и скромно. Дом его находился недалеко от башни Восточное поле, откуда прекраснейший вид открывался на окрестные горы. Об этом поэму сложил "Ода о живущем в предместье..."

Скончался Юэ на двенадцатый год под девизом правленья Поддержка Небес, в возрасте семидесяти трех лет. Для его погребения повелели из казны выдать пятьдесят тысяч монет и сто

штук полотна, а посмертное имя ему дали - Инь - Сокрывшийся от мира.

Юэ с рождения отмечен был знаками теми, что указуют на в будущем славного мужа: зрачок в его левом глазу был двойным, по пояснице шел узор из пурпурных пятен. Разбирался он в книгах прекрасно, имел у себя двадцать тысяч свитков-цзюаней - такого собрания больше в столице никто не имел.

Еще в те времена, когда мальчиком был, сиротой одиноким, как-то к родным он пришел с просьбой дать ему сто мер риса. Дали рис, но прилюдно бранить его стали за безделье, назвав попрошайкой. Оскорбления выслушав, на землю он высыпал рис и молча ушел. Знатным став и богатым, Юэ зла не помнил, стремился во всем помогать своим близким.

На пиру он присутствовал, что проходил уже после кончины Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя. Была там и некая дама, кто прежде обитала в гареме наследного принца. Государь Воин-Правитель династии Ци эту даму спросил, кого она знает из гостей, на циновках сидящих. Та ответила - только господина дворецкого Шэня. Те слова услышав и вспомнив о днях, проведенных в Восточном дворце, Юэ на циновку упал, обливаясь слезами. Государь, тоже скорбью безмерной объятый, повелел поднести ему кубок вина.

Юэ прожил долгие годы, свидетелем был заката двух династий и третьей расцвета. Разбирался прекрасно в канонах и старых анналах, ведал он досконально о разных вещах, по обширности знаний никто с ним равняться не мог.

Се Тяо природою был наделен величайшим талантом поэта, а Жэнь Фан с трудолюбием редким занимался изящной словесностью-вэнь. Юэ тоже были присущи и способность, и трудолюбие, но в твореньях своих он не смог превзойти и ни Се, и ни Жэня.

Будучи сам чрезмерно уверен в своих высочайших достоинствах, он слабость имел к восхваленьям в свой адрес и иным всяким почестям. Использовал случай любой, чтоб себя лишний раз проявить, всех вокруг утомляя речами, почитая себя

чуть ли ни главным лицом в государстве, демонстрировал это на каждом шагу; и любого чиновника видя, - даже самого мелкого, - спешно к нему подходил, вовлекал в разговор, да столь нудный и долгий, что не чаял тот как и уйти. Говорили о нем - вот уж, истинно, цзиньский Шань Тао! Десять с лишним годов проведя на высоких постах при династии Лян, в сущности он ничего не содеял, чтоб заслужить продвижение по службе; лишь поддакивал сильным мира сего - вот и все.

Несколько ранее вот что случилось. Государь-Основатель династии Лян, будучи недоволен Чжан Цзи - своим бывшим соратником, - его в знак опалы сослал в приграничную местность. Там Чжан Цзи и погиб. Государь вознамерился с Юэ обсудить это дело. Тот же слушать монарха не стал, так сказав ему: "Человек, занимавший важный пост в Императорском секретариате, сослан был в приграничные земли. Что ж теперь о нем вновь толковать?" Страшным гневом объятый, закричал государь: "Сударь, так рассуждать может только глупец!", и тотчас вышел вон. Обезумев от страха, Юэ на циновке сидел, не поняв даже, что государь уже встал и покинул чертог. А домой возвратившись, лишился он чувств - рухнул прямо у входа, не дойдя до опочивальни. Не на шутку затем занедужил. Ночью снился ему Государь-Миротворец династии Ци, кто, выхватив меч, отсек ему - Шэню - язык. Пораженный видением страшным, Юэ послал за гадателем. Тот его успокоить пытаясь, убеждал, что такое виденье есть лишь сон, порожденный недугом. Все ж даоса-наставника решил он призвать, чтобы красную сжег он бумагу - исполнил даосский обряд очищения, который в ту пору запрещен был в стране августейшею волей. Государь же придворному лекарю дал наказ Юэ посетить, и от него разузнал о даосском обряде.

А ранее вот что случилось. Юэ, отвечая за проведение придворных пиров, повелел из Юйчжоу доставить каштаны. Усердно потчевал ими гостей, а себе взял чуть-чуть. Государь удивился и спросил: "Что в нашем царстве и с каштанами тоже плохи дела?", имея в виду подчеркнуть, что Юэ взял каштанов себе в три раза меньше, чем он сам. А затем, уже стоя у самых дверей,

вдруг сказал окружающим: "Этот князь, видно, хочет ошибки свои искупить - столь застенчивым стал, что от скромности вот-вот помрет!" И Сюй Мянью, и другие, стоявшие рядом, государя молили прекратить эту сцену. А тут он проведал о свершенном даосском обряде, и вновь впал в страшный гнев. От страха за себя Юэ и скончался. Вначале хотели посмертное имя дать ему - Вэнь - Искусный в изящной словесности, но государь молвил так: "Когда умирает тот, кто был всеми любим, о нем говорят - сокрылся от мира". Вот почему посмертное имя Юэ стало - Инь.

Юэ создал множество разных трудов. Он составил "Историю Цзинь" в 110 цзюаней; "Историю Сун" в 100 цзюаней; "Записи о династии Ци в 20 цзюаней"; "Записи о Государе-Основателе" в 14 цзюаней; "Сужденья от нечего делать" в 10 цзюаней; "О заслугах усопших" в 10 цзюаней; "Список литературных творений, созданных при династии Сун" в 30 цзюаней; его же собрание сочинений составило 100 цзюаней. Все они получили известность.

А еще Юэ сочинил трактат "О четырех тонах". Сам считал, что никто из предшествующих тысячелетий сего не постиг, только он лишь сподобился, а потому труд его должен вровень стоять с откровением высших сил. Государь-Основатель династии Лян ничего в том труде нужного не заметил. Как-то он к Чжоу Шэ обратился с вопросом: "Что же все-таки это такое - "четыре тона"?" Шэ ответил: "Сын Неба, наимудрейший, разберется!" Все четыре слова, произнесенные Шэ, - "небо", "сын", "мудрый" и "разберется" стояли в одном из четырех тонов. Но государь так и не понял, и учение Юэ не использовал, хоть и сам стихи сочинял.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВАН ЖУНА И СЕ ТЯО

Ван Жун, сторое имя Юань-чан - Изначально-вечный - был уроженцем уезда Линьи, что находился в Ланье.

Дед его - Ван Сэн-да - в эпоху правленья династии Сун возглавлял Императорский секретариат; с наивысшими вровень стоял, правя канцлерство. Отвечая Государю-Почтительному Воину династии Сун, так говорил: "Дед и отец мой, покойные ныне, первый сыкун был - Главный смотритель повинностей всех и работ, второй же - сыту - Главным блюстителем нравов!"

Родитель же Жуна - по имени Дао-ян - в Лулине служил. Его матушка - дочь Линчуанского губернатора Се Хуэй-сюаня - так хорошо разбиралась в науках, что сама обучала им сына.

С детских лет стало ясно, что Жун обладает божественно-светлым умом, на редкость отзывчивым сердцем и даром поэта. Тогда уже имя его было славно.

Начал он службу свою с поста секретаря-адъютанта при особе Цзиньаньского князя - принца крови, но сидел словно принц, избегая порученных дел. После князь Цзинлинский Цзы-лян, кто в то время был сыту - Главным блюстителем нравов, - его взял к себе секретарем-адъютантом, затем в свиту вошел Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя. Все это время считал свое положение слишком низким по сравнению с тем, что родитель его занимал. С детских лет Жун мечтал продолжать и возвысить деяния рода, а потому обратился с докладом на высочайшее имя, где он писал: "Ваш покорный слуга слышал, как говорят - если весной застрекочет осенний сверчок, - жди беды; а если щедрой росой увлажняется древо, и пышен под ветром цвет его, - год счастливый грядет... Я, ничтожный, имею возможность входить во дворец Сына Неба, облакаюсь в придворный наряд из лиловой парчи и ступаю по киноварным ступеням. Но лишь числюсь на службе, на самом же деле должным образом силы не напрягаю. Мудрецы-государя, правители древних времен, с особым вниманьем всегда относились

к сути вещей. Если кто-либо не соответствовал занимаемой должности, а получал из казны пропитанье, - подвергали его порицанию. Вот почему Ваш ничтожный слуга щедрой милостью Вашей удручен и подавлен, и о том все мои думы. уповая всецело на снисходительность Вашу, ВАМ о них сообщаю. Преисполненный искренней веры в наступление эры просветленности, здесь решил изложить свои глупые мысли в надежде, что не убудут излишне суровы к лежащему ниц у подножия трона. Презренно-ничтожный, стремлюсь всей душою доказать свою преданность. Недалек и бездарен, а вижу, что во всем должен быть свой порядок..."

И тут же был повышен по службе, получив назначенье на должность помощника начальника Канцелярского приказа.

Дядюшке - Цзяню - в искусных манерах во всем подражая, Жун ему преподнес свои вирши. В восторг тот пришел. А Жун был возвышен до поста помощника начальника Департамента государственных дел. Но опять пребывал в недовольстве и вновь обратился с докладом на высочайшее имя... Государь Воин-Правитель династии Ци с ним ознакомился и в восхищеньи изрек: "Я мечтал о подобном сановнике. Жуна доклад прочитав, я его лучше узнал, чем из личных бесед".

На исходе годов под девизом правления Вечное просветление Государь Воин-Правитель династии Ци замыслил поход против варваров-северян. Повелел Мао Хуэй-сю описание составить походов, что на севере в древности вел Государь Воин-Правитель династии Хань. Тот приказал труд сей исполнить Жуну, который великолепно справился с поручением, о чем поспешил государя уведомить, снова отправив доклад на высочайшее имя...

На девятом году под девизом правления Вечное просветление в царском парке, носившем название Парк Благовонного леса, был устроен обряд очищенья в честь Празднества третьего дня третьего месяца и пир на речном берегу. По приказу монарха Жун сочинил оду-эссе "О пире на речном берегу". Сочинение это отличалось изысканным стилем, и дивно прекрасен был его слог. Всех вокруг привело в восхищенье.

Через год ко двору Сына Неба прибыли с севера двое посланцев - Сун Бянь и Цзин Гао. Жун их принимал. Видя, что он еще юн, северяне спросили, сколько лет ему. Тот ответил, что из пятидесяти только-только прошел половину.

- Довелось мне услышать, - Сун Бянь продолжал, - что вы сочинили оду о пире на речном берегу.

- Слух о вашем твореньи, - в беседу Цзин Гао вступил, - дошел и до нас. Говорят, что оно превосходит сочиненья именитых поэтов прежних лет. Не сочтете ль возможным его нам показать?

Жун дал им свою оду. На следующий день они встретились в зале Нефритовый пруд, и Сун Бянь Жуну сказал:

- В дни былые читая "Благодарение Небу" великого Сыма Сян-жу, по нему постигали величье Государя Правителя-Воина династии Хань. Теперь же достаточно взором окинуть творение ваше, и сразу же видишь расцвет династии Ци.

- Расцвет августейшего дома и так очевиден, - Жун на это ответил, - он идет по стопам государей династии Хань. При подобном правлении было бы просто позорным оставаться невеждой-мужланом и дерзать не стремиться пару составить великому Сыма.

Едва он успел эту фразу закончить, как в отдалении горячий скакун - конь северян - привязь порвал, и челядь Ван Жуна никак с ним совладать не могла. Наблюдая за этой картиной, Сун Бянь Жуну заметил:

- На севере, в Цинь, и на западе, в Цзы, есть немало прекрасных коней. Но в сравнении с теми скакунами, которыми наш повелитель владеет, они кажутся жалкими клячами; вы постоянно ищете славы и процветанья, стремитесь достичь совершенства в делах управленья страной, да только не видно птенцов в вашем гнезде. Что ни день - громогласно клянетесь в вашей верности трону и долгу, а одно нарушение следует за другим. Как же так получается, что пастухи вашего табуна так и не могут обеспечить порядок в престолонаследии?

- И вправду, - Цзин Гао добавил, - кичитесь своим отвращеньем к фальши и лжи, а ниву свою вам никак не вспахать!

- У правителя древней династии Чжоу - Му-царя, - Жун ответил, - имелись дивные кони, кто вихрем проносились по всей Поднебесной. Но и они - нет, нет, - да могли оступиться.

- А вы, князь достославный, - Сун Бянь усмехнулся, - сами способны махом единым тысячу ли проскакать?

- В ваших, почтенный, краях, - Жун парировал, - видно, иные представления о том, что такое мощь и слабость, добро и порок. Мудрецу для того, чтобы он мог проскакать тысячу ли, подавали особый экипаж - колесницу с барабаном и гонгом.

- Пусть так, - Сун Бянь его перебил, - было в древности. Время тратить не будем на рассуждения о былом, а вернемся к теме нашей беседы. Я поклясться готов, что сегодня вам, князь Ван, не удастся раздобыть колесницу с гонгом и барабаном. Разве это не так?

- Разумеется! - Жун воскликнул. - А что вы хотите, - чтобы я занимался продажей истлевших конских скелетов?!

Северяне не нашлись, что ответить, чем ему возразить.

Жун был чрезмерно уверен в своих силах. Еще не достигнув тридцать лет, себя уже видел не иначе, как канцлером. Находясь на посту в Императорском секретариате, ночи без сна проводил и вздыхая твердил: "Древние мудрецы надо мной бы смеялись!" Если ехал в кортеже Сына Неба, прилюдно рыдал, что не может пробиться вперед, со слезами твердил: "О, как обидно, что впереди моего экипажа не идут восемь глашатаев-слуг! Ну, когда же дождусь, что меня назовут настоящим вельможей?!"

Когда от болезни скончался Августейший наследник престола принц Вэнь-хуэй, брат его - князь Цзинлинский Цзы-лян - поспешил перебраться в Восточный дворец - резиденцию наследного принца, где стал собирать друзей и соратников. Жун, получив чин генерала, встал во главе гвардейских отрядов лично Цзинлинского князя. Жун отличался редким искусством в сочинительстве и красноречием в разговоре. Никогда не терялся, любому деянию умел оправданье найти и посредством кисти и туши его упрочнял. Князь Цзинлинский Цзы-лян особо его выделял из своего окружения, одаряя его искренней дружбой и

любовью. Нередко вечерней порою они вместе верхом совершали прогулки, упражняясь в езде и других видах ратных искусств. Жун считал, что талант его будет все пышнее цвести при дворе Цзинлинского князя, в нем себе видел опору. А Цзы-лян ему поручал встречу гостей, ибо знал, что Жун выведать сможет все их помысли и проникнуть сумеет в потаенные думы. Одинаково Жун преуспел как поэт и чиновник, в делах управления страной и в военном искусстве. В укромном местечке близ потока Янцзы он собрал сотню молодцев-северян, постоянно готовых его волю исполнить.

Государь Воин-Правитель династии Ци посетил Восточный дворец и, увидев, что вещи покойного принца - парадное платье, жезл, украшенный бирюзовыми перьями, и выездной экипаж, - все приготовлено к употреблению, страшно разгневался и повелел Цзинлинскому князю тотчас отбыть во дворец Сына Неба. Все время, что он, измученный тяжким недугом, провел на смертном одре, Цзылян находился при нем. Августейший же внук - сын покойного принца Вэньхуэя - ни разу во дворец не входил.

Жун, блистая позолотой доспехов и одетый в наряд из вишневой парчи, стоял возле входа в Императорский секретариат; стиснув зубы, смотрел на гвардейцев, не смея к ним приблизиться. Страстно желал, чтобы князь Цзинлинский Цзы-лян был на трон возведен. Лишь когда огласили посмертную волю монарха. Августейший внук в чертоги вступил. Узнав, что Цзы-лян не наследует трон, а регентство он передал князю Сяо Луаню, кто впоследствии стал Государем-Просветленным Правителем династии Ци, Жун парадное снял одеяние и со вздохом промолвил: "Князь меня обманул!"

Августейший внук всем сердцем ненавидел Ван Жуна. Двух недель не прошло, как он занял престол, а уже объявил преступником Жуна. По его повелению Кун Чжи-гуй сочинил текст вердикта, гласившего: "Жун по природе своей и строптив, и коварен. За дешевым гоняясь успехом, пытался при дворе утвердиться. То, что он вытворяет, вызывает у всех удивление и омерзение. То, что он говорит, даже слышать противно. В непотребных делишках

погряз, подстрекает. люд простой. Превышает свои полномочия, занимается самоуправством. Право присвоил себе миловать и карать, не признавая никаких авторитетов. Клевещет на августейшую волю и небылицы возводит на князей и министров. Повсюду трубит о таланте своем, говоря, что никому не дано с ним совладать..."

Тщетно Жун оправдаться пытался, обращаясь с докладом к Августейшему внуку... Одного лишь добился - разрешенья добровольно из жизни уйти. А всего ему было в то время лишь двадцать семь лет.

Перед тем, как покончить с собой, Жун сказал: "Мне, увы, не придется почтенным стать старцем, но все же, хоть словечко, да вымолвил!" Тем хотел он слова порицанья сказать государю за все те проступки, что тот совершил еще до того, как вступил на престол.

О Жуне безмерно скорбя, все друзья его собрались возле кумирни и процессией длинной дли за гробом. Жун надежду питал на защиту Цзы-ляна; но Цзы-лян, неизбывно горя о нем, все ж вмешаться не посмел. Творения Жуна в изящной словесности-вэнь всему миру известны.

Се Тяо, второе имя Саюнь-хуэй - Сокровенный светоч - был уроженцем уезда Янся, расположенном в области Чэнь. Дед его - Шу - возглавлял в свое время область Усин, а отец - Вэй - служил в Департаменте государственных дел.

Тяо с малых лет проявлял склонность к наукам и изящной словесности-вэнь. Творенья его отличались красотой и изяществом стиля.

Начал службу с поста адъютанта при штабе младшего брата Государя Правителя-Воина династии Ци - Юйчжанского князя; после служил в аппарате вельможи Ван Цзяня на посту Виночерпия жертвенного вина; был свитским Августейшего наследника трона принца Вэнь-хуэя, а затем перешел в штаб принца крови - Суйского князя Цзы-луна.

Суйский князь был поставлен главою одной из провинций - Цзинчжоу. Обладая немалым искусством в сочинении од и стихов,

он стремился себя окружать литераторами и учеными, собирая вокруг себя близких по духу людей. Превыше же всех остальных из свитских он Тяо ценил, чей дар как поэта у него вызывал восхищение. Суйский князь настолько Тяо возлюбил, что с ним проводил дни и ночи, не желая расстаться ни на мгновение. Несмотря на высокий фавор, Тяо тосковал по столице. В личной беседе с Государем Правителем-Воином династии Ци вельможа Ван Сю-чжи, кто Тяо знал с детских лет, испросил для него августейшего разрешения покинуть свой пост при дворе Суйского князя. По пути в столичный град Тяо стихи сочинил и послал их Цзы-луну. Они завершались такими словами: "Я все время боюсь, что набросятся хищные птицы, и иней осенний погубит нежный цвет хризантемы". И действительно, не успел он вернуться в Цзянькан, как тут же приказ получил снова ехать в провинции - в ставку Сианьского князя. И вновь он направил послание Суйскому князю, в котором излил свои чувства:

"Я, Тяо, слышал, как говорят - болотная жижа мечтала предстать перед царственным морем, да пока предавалась мечтам, - пересохла. Погоняя повозку, запряженную жалкою клячей, стремлюсь оказаться среди волн. А зачем? Луговина пожухла, листва облетает, навеяв печальные думы. Две дороги: одна - на восток, и на запад - другая; на развилке стою, и сдержать невозможно грустные вздохи. Как мучительно больно, мой принц, вспоминать Ваши чувства ко мне. Как хотелось бы к Вам возвратиться, но, увы, не исполнить мне это желанье. Я отныне - как дождь морозящий, как осенний цветок, ветром кружимый.

Да, я знаю, что я - незаметная струйка в могучем потоке, никого не заботят поступки мои и стремленья. А ведь было же так, что не впала честь лицезреть государя, чей блеск озаряет небо и землю. Ведь был я обласкан принцем, чьи сила и нежность подобны горам и потокам. Среди плевел найдя малое зернышко, Вы мне, ничтожному дали возвыситься. Вот почему бросил я плуг и, покинув сады и поля, поселился в Вашем парке, приняв в руки кисть.

На востоке мы с Вами добрались до Трех рек, а на западе плыли по просторам озер. Спали рядом в походном шатре; теща друг друга, долгие речи вели за кубком вина. С каждым днем все теснее сплетались рукава наших платьев, и нашу поклажу на телегах в обозе везли. Пышно цвел мой талант при Вашем дворе, и от Вашей любви стал прекрасным мой облик. Словно теплыми струями, я омывался Вашей милостью; ею согретый, словно под ласковым солнцем сушил свои пряди. И руки прижимая к груди, я поклялся все отдать ради Вас - даже жизнь.

О, глупец, как же я не предвидел, что наступит то время, когда волны лазурные бег остановят, и рыбка на песке будет биться, умоляя о капле воды. Что пенный разлив, как и прежде, будет весною объят, а вольно парящая птица с ним расстанется. Что чистотою хранимы, вознесутся палаты, а старая хижина погрузится в безмолвье. В утлом челне я пытаюсь против стремнины грести, и лишь тень - мой единственный спутник. Белым облаком я проношусь по равнине в тщетном желаньи увидеть Драконов дворец. Все дальше удаляясь от Ваших благодеяний, все глубже погружаюсь в думы о них. Непрестанно лелею надежду наконец-то увидеть знакомую заводь и причалить к весеннему острову. Достаточно только распахнуться Киноварным вратам, чтобы я - стебелек, лишенный корней, - вновь расцвел и покрылся плодами.

Пусть для Вас обернусь я ненужной вещицей - заколкой поломанной или соломенной туфлей, кинутой возле циновки. Пусть стану тряпьем, в грязной яме лежащим, - о Вас все равно буду думать подобно тому, как жена ожидает супруга, а дети - отца.

Сочиняю прощальные строки, а слезы застилают глаза; и на сердце - предчувствие скорых невзгод. Я больше не в силах выносить мою преданность Вам - преданность лошади Вашей, Вашей собаки".

Вскоре Тяо отозвали в столицу и дали назначенье на пост в Департамент государственных дел. Но в начале годов под девизом правления Возвышенье расцвета - как только скончался Государь Воин-Правитель династии Ци и царствовать стал Августейший внук - Тяо вновь получил предписание ехать на север. Монаршую

волю узнав, он лишился дара речи и сразу же подал в отставку. Но прошение его отклонили.

После к власти пришел Государь-Просветленный Правитель династии Ци, при котором Тяо занимал ряд постов и немало поимел назначений высоких, в том числе в Департаменте государственных дел. На четвертом году под девизом правления Укрепление мощи военной он был послан к Цзиньаньскому князю в штаб Армииб усмиряющей север, а затем был поставлен во главе Наньдунхая, одновременно следя за состоянием дел в Наньюй.

В то время вельможу Ван Гоу-цзэ, дочь которого Тяо приходилась супругой, обвинили в измене. И хотя Тяо оставался вне подозрений и даже в столицу служил, он подал прошение-отказ от предлагаемой должности. Трижды он обращался с этим прошением на высочайшее имя, но доклады его задержали в Императорском секретариате, ибо сочли, что Тяо не по чину обращаться к монарху с подобным прошением. За решением вопроса обратились к Шэнь Юэ. Тот такой дал ответ: "В период правления династии Сун случались примерыб когда тот иль иной человек не вступал в свою должность. Подавали прошения-отказы на высочайше имя и всегда получали августейший ответ. Теперь же считают, что, если предложенный пост невелик, то чиновник не вправе от него отказаться. Такого стало общее правило, но опасаясь, что этим искажают суть идеи отставки. Когда об отставке просил сановный вельможа, разве кто-нибудь думал, вправе он или нет так поступать? Когда подавали прошения секретари - мелкие сошки, - разве боялись, что все их примеру последуют, и опустеют приказы? К тому же, у Тяо - случай особый. Он для себя полагает слишком высокой новую должность, слишком стремительным ход по служебным ступеням. А значит, здесь причина иная его просьбы. Так какое значение имеет, мал иль важен предложенный пост? Должно так же отметить, что вся ценность идеи отставки в том состоит, что такое желанье продиктовано чувством людей. Заключая свои рассуждения, скажу - оснований отвергнуть прошение Тяо, по моему, нет".

Но государь, искренне Тяо ценя, его просьбу все же отверг.

Тяо был стихотворцем блестящим, а лучшими из его сочинений признавались стихи с пятисловной строкой⁷ Шэнь Юэ много раз говорил, что подобных творений в Поднебесной не знали уже две сотни лет. Когда хоронили государыню Хоу среди горных отрогов, именно Тяо поручили избрать погребальные песни. Среди литераторов Ци не имел себе равных.

После кончины Государя-Просветленного Правителя династии Ци к власти пришел его сын, утративший силу благую монарха. Сановник Цзян Ши строил планы на трон возвести Цзянсяского князя Бао-сюаня, а после и сам вознамерился стать державным владыкой. Посланец Цзян Ши в тайной беседе с Тяо так ему говорил: "Бао-сюань еще молод и слаб, не в состоянии вынести бремя священных регалий, не в силах сместить того, кто ныне восседает на троне. Старший же из семейства Шианьских князей - Яо Гуан, - даже если возложит царский венец, не оправдает всеобщих надежд. Коль без этого нам не достигнуть процветанья страны, отважиться нужно на решительный шаг и силою оружия восстановить покой и порядок".

Князь Шианьский Яо Гуан тоже к Тяо прислал своего человека - Лю Фэна, - чтоб он выведал тайно, каково настроение Тяо, и его попытался привлечь на их сторону. Но Тяо, благодарность питая к покойному государю, уговорам Лю Фэна не внял, ничего ему не ответил.

Через несколько дней Яо Гуан захотел у Тяо узнать о положении дел в стране; Тяо же, встречи смертельно боясь с ним, обо всем рассказал Цзо Син-шэну. Син-шэн не нашелся, что ему посоветовать, но об их разговоре проведал Цзян Ши и сейчас же о сем сообщил Яо Гуану. Тот в неистовство впал. Заподозрив в предательстве Тяо, развернул экипаж и понесся стремглав во дворец. Вместе с Сюй Сяо-сы, Лю Хуаном, Цзян Ши и другими порешил он представить как можно скорее государю доклад-обвинение Тяо, где писали: "Се Тяо по природе своей ненадежен, что отчетливо видно - откуда ни глянь. Выжидает лишь время, чтобы встать вместе с Ван Гоу-цзэ, его сторону взять...". По велению

свыше Тяо был арестован и казнен как мятежник. В то время ему было тридцать шесть лет.

Еще ранее Тяо о случившемся сообщил Ван Гоу-цзэ. Его дочь, об аресте супруга узнав, страстно желала с ним проститься, но Тяо не решился с ней свидеться. О ней сожалея, Тяо перед казнью сказали: "Ваша, сударь, супруга так хороша, что подобную больше не встретишь. Как обидно, что ей суждено стать вдовою". И Тяо ответил с горестным вздохом: "Не только вдовою. Не я буду убийцей отца ее - Вана, однако погибнет вскоре и он, погибнет из-за меня".

**СПИСОК ГОСУДАРЕЙ,
УПОМИНАЮЩИХСЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ,
И НАЗВАНИЙ ДЕВИЗОВ ПРАВЛЕНИЯ**

Августейший внук - циский Юй-линь-ван (494).

Государь-Благонравный правитель династии Цзинь - цзинский Хуэй-ди (290-307).

Государь-Блистательный Воин династии Хань - ханьский Гуан-у-ди (25-29).

Государь Воин-Правитель династии Хань - ханьский У-ди (140-86 гг. до н.э.).

Государь Воин-Правитель династии Цзинь - цзиньский У-ди (265-290).

Государь Воин-правитель династии Ци - циский У-ди (483-494).

Государь Миротворец-Правитель династии Цзинь - цзиньский Хуай-ди (307-313).

Государь Миротворец-Правитель династии Цзинь - цзиньский Хуай-ди (307-313).

Государь Миротворец династии Ци - циский Хэ-ди (501-502).

Государь-Основатель династии Лян - лянский У-ди (502-449).

Государь Основатель-Предок династии Хань - ханьский Гао-цзу (206-194 гг. до н.э.).

Государь-Почтительный Воин династии Сун - сунский Сяо-у-ди (454-465).

Государь-Просветленный Правитель династии Ци - циский Мин-ди (494-499).

Государь-Просвещенный Правитель династии Цзинь - цзиньский Вэнь-ди - посмертный титул отца основателя династии Цзинь, реально не бывшего монархом.

Государь-Свершитель династии Хань - ханьский Чэн-ди (32-6 гг. до н.э.)

Победоносный Воитель династии Чжоу - чжоуский У-ван (1024-1027 гг. до н.э.).

Вечный исток - Юн-юань (499-501)

Вечный покой - Юн-ань (314-320).

Вечное просветление - Юан-мин (483-494).

Изначальная радость - Юань-цзя (424-453).

Поддержка Небес - Тянь-цзянь (502-519).

Расцвет великолепия - Лун-чан (494).

Укрепление мощи военной - Цзянь-у (494-498).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

на русском языке

1. В.М.Алексеев. Историк, литератор Сыма Цянь и его культ. - В кн.: Алексеев В.М. Китайская народная картина. М., 1966.

2. Л.Е.Бежин. Се Линъюнь. М., 1980.

3. М.Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

4. В.П.Васильев. Очерк истории китайской литературы. - В кн.: Всеобщая история литературы. СПб., 1880.

5. К.В.Васильев. Планы Сражающихся царств. М., 1986.

6. В.В.Виноградов. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.

7. М.Гиренко. Синхрония и диахрония (к вопросу об интерпретации явлений культуры). - В кн.: Древние системы письма. Этнический сборник. М., 1986.

8. К.Н.Голыгина. Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция, VII-XIV вв. М., 1980.

9. К.Н.Голыгина. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983.

10. Го юй (Речи царств) - (Пер., вступ. и комм. В.С.Таскина). М., 1987.

11. А.Н.Желуховцев. Хуабэнь - городская повесть средневекового Китая: Некоторые проблемы происхождения и жанра. М., 1969.
12. М.В.Исаева. Соотношение музыкальной системы люй и общей теории познания в Китае. - В кн.: Общество и государство в Китае (тезисы и докл. XIX н.конф.). М., 1988, ч.I.
13. А.М.Карапетыанц. "Чунь цю" и древнекитайский "историографический" ритуал. - В кн.: Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1983.
14. А.И.Кобзев. Учение Ян Ванмина и классическая китайская философия. М., 1983.
15. Ю.Л.Кроль. К литературной характеристике "Записей историка". - В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (Тез.докл.II годичной науч.сессии ЛО ИНА). Л., 1966.
16. Ю.Л.Кроль. "Записи историка" как литературное произведение. - В кн.: Литература Древнего Китая. М., 1968.
17. Ю.Л.Кроль. Сыма Цянь - историк. М., 1970.
18. Ю.Л.Кроль. Литературная теория и литературная практика Сыма Цяня. - В кн.: История и культура Китая. М., 1974.
19. Е.М.Мелетинский. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
20. Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-VI вв. М., 1980.
21. Л.Е.Померанцева. Историческая биография хуайнаньского князя Лю Аня и ее житийный вариант. - В кн.: Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1970.
22. С.И.Радциг. История древнегреческой литературы. М., 1982.
23. Б.Л.Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии "Троецарствия"). М., 1970.
24. Б.Л.Рифтин. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.

25. Сыма Цянь. Избранное: Главы из книги "Исторические записки". М., 1956.

26. Сыма Цянь. Исторические записки. (Пер., комм. и вступ. Р.В.Вяткина). т.1-5, М., 1972-1987.

27. Г.А.Ткаченко. Космос, музыка, ритуал. М., 1990.

28. Н.Т.Федоренко. Древние памятники китайской литературы. М., 1978.

29. О.Л.Фишман. Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв. М., 1980.

30. Цзо чжуань (Пер. и вступ. Е.П.Синицина). - В кн.: Древнекитайская философия. М., 1973, т.2.

31. Цзи Юнь. Заметки из хижины "Большое в малом" (Пер., пред. и комм. О.Л.Фишман). М., 1974.

32. Юань Мэй. Новые записи Ци Се (Пер., пред. и комм. О.Л.Фишман). М., 1974.

На европейских языках

33. D.Bodde. Harmony and Conflict in Chinese philosophy. - Studies in Chinese Thought and Institutions. Chicago - L., 1953.

34. D.Bodde. Festivals in Classical China. Princeton, 19875.

35. R. de Crespigni. The Records of the Three Kingdoms. Occasional Paper. IX. Canberra, 1970.

36. R.H. van Gulic. Sexual life in Ancient China. Leiden, 1961.

37. Han Yu-shan. Elements of Chinese historiography. California, 1955.

38. J.R.Hightower. The Wen Hsuan and genre theory. - "Harvard-Yenching Institute Studies", vol.21. Studies in Chinese literature. Cambridge, 1966.

39. The History of the Former Han dynasty by Pan Ku. (Tr. by H.H.Dubs). Baltimore, v.1-3, 1938.

40. J.Needham. Human Laws and Nature in China and West. - "Journal of the History of Ideas", XII (1951).

41. A.Straughair. Cang Hua: A Statesman-Poet of the Western Chin Dynasty. Canberra, 1973.

42. F.Tokei. Genre Theory in China in the 3-d centuries. Liu Hsieh's theory of poetic genres. Budapest, 1971.

43. D.Twittcett. Problems of Chinese Biography. - Confucian Personalities. California, 1962.

На китайском языке

44. Вэнь сюань (Литературный сборник). Шанхай, т.1-2, 1959.

45. Гуань-цзы цзяо чжэн ("Гуань-цзы". Исправленное издание с комм.) - издание "Чжуцзы цзичэн" (Сборник работ древних философов различных школ). Шанхай, 1954, т.5.

45а. Гуан хун мин цзи (Расширенное собрание сочинений, светоч истины распространяющих) - свод "Тайсе синсю Дайдзоке" (Трипитака годов Тайсе). Токио, 1963, т.52.

46. Лян шу (История династии Лян). Пекин, т.1-3, 1987.

47. Нань ци шу (История династии Южная Ци). Пекин, т.1-3, 1987.

48. Нань ши (История Южных династий). Пекин, т.1-6, 1983.

49. Сун шу (История династии /Лю/ Сун). Пекин, т.108, 1983.

50. Сы шу у цзин (Четыре книги и пять канонов). Тяньцзинь, т.1-3, 1989.

51. Хоу хань шу (История династии Поздняя Хань). Пекин, т.1-12, 1982.

52. Цзинь шу (История династии Цзинь). Пекин, т.1-10, 1987.

53. Цзинь Юй-фу. Чжунго шисюэ ши (История китайской историографии). Шанхай, 1957.

54. Цюань хань саньго цзинь наньбэйчао ши (Полное собрание стихотворений периодов Хань, Троецарствие, Цзинь и Южных и северных династий). Шанхай, т.1-2, 1959.

55. Цюань шан гу сань дай хань саньго лючао вэнь (Полное собрание прозы-вэнь, начиная с глубокой древности и периодов Трех династий, Хань, Троецарствие и Шести династий). Пекин, т.1-4, 1987.

56. Чжунго шисюэ минчжэ тицзе (Справочные материалы к наиболее известным историографическим памятникам Китая). Пекин, 1984.

57. Ши цзи (Исторические записи) - серия "Сы бу бэй яо", Шанхай, 1936.

SUMMARY

The M.Kravtsova's article "Biographies - 'Le shuan' - an artistic history or historical literature?" - investigates some aspects of the traditional Chinese historiographical texts, so called dynastic histories. Under the special discussion are those of them, which were composed during the Hun (II D.C.- II A.D.) and Early-Medieval (III-VI A.D.) China, viz. "Shi ji" ("The Historical Records") by Sima Qian (145-86 B.C.), "Hou han shu" ("The History of the Late Han Dynasty") by Fan Ye (398-446), "Qian han shu" ("The History of the Former Han dynasty") by Ban Gu (32-92), "Song shu" ("The History of the /Liu/ Song dynasty") by Shen Yue (441-513), "Nan qi shu" ("The History of the Southern qi Dynasty") by Xiao Zixian (489-537) and "Jin shu" ("The History of the Jin Dynasty") and "Ling shu" ("The History of the Liang Dynasty") - both created at the beginning of the VII cent.

The article is opened by a brief description of the genesis of the Chinese historiographical tradition and of the typical composition of the named texts with the characteristics of their main three parts - "Ben ji" ("The Imperial Annals"), "Zhi" ("The Records") and "Le shuan" ("The Biographies"). Speaking about the last of them, the author tries to trace back its cultural and ideological origins, pointing out a number of specifics of the Chinese ancient historiographical thought and philosophy, primarily Confucianism. Still the main object of the author's attention is the problem of the "Biographies"'s artistic values and the possibility to regard them as the true literary pieces, correlating with the classical Chinese prose forms. Basing on 4 biographies, taken from "Ling shu", "Jin shu" and "Nan qi shu" (the translation is given at the end of the article), the author analyses their plot, personages, artistic style and so on features, which from her point of view can be taken as belonging to the literary practice.